

Ивана
БРИЧ-МАЖУРАНИЧ
ХОРВАТСКИЕ
ВОЛШЕБНЫЕ
СКАЗКИ

Свыше двадцати иллюстраций
и элементов оформления
Владимира Кирина

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ивана Брлич-Мажуранич
(1874–1938)

Ивана
Брлич-Мажуранич
**ЖОРВАНСКИЕ
ВОЛШЕВНЫЕ
СКАЗКИ**

Иллюстрации
Владимира Кирина

Перевод
Дмитрия Мочнева

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение «Алькор»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84.4
УДК 821.163.4
Б87

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение «Алькор»

Классический переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение «Алькор»

Б87 Брлич-Мажураич Ивана. Хорватские волшебные сказки. — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2024. — 144 с.: ил.
Текст

© СЗКЭО, 2024

© Мочнев Д. В., перевод, 2024

© Дизайн кожаного переплета. ТО Алькор

ISBN 978-5-9603-1118-2 (7БЦ)

ISBN 978-5-9603-1119-9 (Кожанный переплет)

Как Нотех правду искал

I

Когда-то очень давно на поляне посреди дремучего леса жил старик. Звали его Вест, и жил он там с тремя внуками. У внуков, кроме старика, никого не было на всём белом свете, и он был им отцом и матерью с самого раннего возраста. Но теперь они превратились во взрослых юношей, таких высоких, что доставали деду до плеча, а то и выше. Их звали Лютиша, Марун и Потех¹.

Однажды весенним утром старый Вест встал очень рано, ещё до восхода солнца, позвал к себе внуков и велел им сходить в лес, где они в прошлом

году собирали мед, и посмотреть, как маленькие пчёлки перенесли зиму, да узнать, проснулись ли они уже от зимнего сна. Лютиша, Марун и Потех встали, оделись и пошли в лес.

До пасеки идти было далеко, но братья знали в лесу все тропинки, и поэтому весело и уверенно шагали по огромному лесу. Под деревьями было темновато и жутковато, ведь солнце ещё не взошло,

---

¹ Имена дедушки и трех его внуков Вест, Лютиша, Марун и Потех (Vjest, Ljutiša, Marun i Potjeh) условно можно перевести — Мудрый, Буйный, Расчетливый и Ищущий. Оригинальные имена и названия во всех сказках либо взяты из славянского фольклора, либо выбраны или составлены таким образом, чтобы передать характер героя или объекта.

и птицы и звери спали крепким сном. Вскоре братьям стало страшновато в такой тишине, потому что как раз на рассвете, перед восходом солнца, злой Бесомар¹, Король лесных бесов, любит бродить по лесу, мягко скользя во мраке от дерева к дереву.

И братья стали наперебой расспрашивать друг друга обо всех чудесных вещах, которые только могут быть в мире. Но поскольку ни один из них никогда не бывал за пределами леса, никто не мог рассказать ничего о мире, и поэтому они чувствовали себя все более и более удрученными. Наконец чтобы хоть немного приободриться, они стали петь и призывать Сварожича², чтобы он показал солнце:

Мой господин Сварожич,
Явись, золотое Солнышко,
Яркий белый свет!
Мой господин Сварожич,
Лунайле, лунайле!

Напевая во весь голос, ребята пошли через лес к тому месту, откуда виднелась гряда гор. Когда они приблизились к нему, то заметили над горами свет, ярче которого никогда не видели: свет этот колебался на ветру, словно развевалось золотое знамя.

Ребята остолбенели от изумления, как вдруг свет исчез с горы и снова появился над большой скалой неподалеку, потом ещё ближе, над старым липовым деревом, и наконец засиял, как начищенное золото, прямо перед ними. Тут они увидели, что это был прекрасный юноша в сверкающих одеждах, а развевался на ветру, как золотое знамя, его золотой плащ. Они не могли вынести взгляда юноши и от страха закрыли глаза руками.

— Зачем же вы зовёте меня, если, увидев, пугаетесь, глупые мальчишки? — рассмеялся золотой юноша, а он и был Сварожичем. — Вы зовёте Сварожича, а потом боитесь его. Вы говорите об огромном

---

¹ *Бесомар* — так в некоторых странах древние славяне именовали повелителя зла и зловредных сил. Это имя можно перевести как «тот, кто заботится о бесах».

² Древние славяне представляли солнечный свет в виде прекрасного юноши по имени *Сварожич*.

мире, но не знаете его. Пойдёмте со мной, и я покажу вам мир, и землю, и небо и расскажу, что вас ждёт.

Такие слова произнёс Сварожич и закрутил свой золотой плащ так, что он подхватил Лютишу, Маруна и Потеха, и они оказались в его сверкающих складках. Крутился Сварожич, крутился плащ, и братья, уцепившись за его подол, крутились вместе с ним, крутились, крутились и крутились, и весь мир проносился перед их глазами. Сначала они увидели все сокровища, все земли, все владения и богатства, которые были тогда в мире. И они продолжали крутиться — и видели все армии, и все копыя, и все стрелы, и всех полководцев, и всё награбленное, что было тогда в мире. А плащ закрутился ещё быстрее, ещё и ещё, и вдруг они увидели все звёзды, большие и малые, и Луну, и Семь Сестёр, и ветры, и все облака. Братья оцепенели от такого количества зрелищ, а плащ все кружился и вращался с шуршащим, порывистым звуком, словно золотое знамя. Наконец золотой подол опустился, и Лютиша, Марун и Потех снова оказались на лужайке. Перед ними, как и прежде, стоял золотой юноша Сварожич и так им говорил:

— Ну вот, ребятки, теперь вы увидели всё, что можно увидеть на этом белом свете. Послушайте, что вас ждёт и что вы должны сделать, чтобы вам всегда сопутствовала удача.

При этих словах братья испугались ещё больше, чем прежде, но всё-таки наострили уши и стали внимательно слушать, чтобы всё хорошенько запомнить. Сварожич сразу же продолжил:

— Слушайте меня! Вот что вы должны сделать: оставайтесь в лесу с дедом и не покидайте его, пока он сам не оставит вас, и не выходите в мир ни во благо, ни во зло, пока не оплатите деду за всю его любовь к вам.

И как только Сварожич сказал это, он развернул свой плащ и исчез, как будто его и не было, — и тут же в лесу наступил день.

Как назло, Бесомар, Король лесных бесов, всё видел и слышал. Словно туманная тень, он скользил от дерева к дереву и прятался от братьев среди ветвей старого бука.

Бесомар терпеть не мог старого Веста. Он ненавидел его, как подлый негодяй ненавидит честного человека, и, прежде всего, он ненавидел его за то, что старик принес на поляну священный огонь, и он никогда не гас, а от дыма этого огня Бесомар ужасно кашлял.

Поэтому Бесомару не понравилось, что братья обязаны следовать указанию Сварожича и оставаться рядом с дедом и присматривать за ним. И вот он задумался, как бы ему навредить старому Весту и настроить внуков против него.

Поэтому не успели Лютиша, Марун и Потех оправиться от изумления и отправиться домой, как Бесомар стремительно, словно облако на ветру, понёсся к лесной поляне, где были ивовые заросли, полные бесов — маленьких, уродливых, горбатых, чумазных, пучеглазых и прочих, и все они играли вокруг, как безумные твари. Они пищали и визжали, они прыгали и резвились — это была целая стая бестолковых бесов, никому не приносящих пользы и не причиняющих вреда, пока человек сам не принимал их себе в друзья. Но об этом заботился уже Бесомар.

Поэтому он выбрал троих самых вредных бесенят, велел каждому из них наброситься на одного из братьев и выяснить, как они могут навредить старому Весту через его внуков.

Пока Бесомар подбирал бесов, Лютиша, Марун и Потех отправились домой. Они были так напуганы, что начисто забыли всё, что видели во время полёта, и всё, что сказал им Сварожич.

И вот они вернулись к хижине, сели на камень у двери и рассказали деду, что с ними случилось. И спросил Вест у Маруна, своего старшего внука:

— А что ты видел, когда летал вокруг Сварожича, и что сказал он тебе?

Марун был в полном замешательстве, потому что совсем забыл и не мог вспомнить, что именно говорил ему Сварожич. Но тут из-под камня, где они сидели, вылез маленький бесёнок — уродливый, рогатый и серый, как мышь.

Бесёнок дернул за рубашку Маруна сзади и прошептал:

— Скажи: «Я видел великие богатства, сотни пчелиных ульев, дом из резного дерева и ворох прекрасных мехов. И Сварожич сказал мне: «Ты будешь самым богатым из братьев»».

Марун не стал задумываться, правду ли говорит бесенок, а просто взял и повторил деду всё слово в слово. Не успел он договорить, как бесёнок запрыгнул в его заплечную сумку, свернулся там калачиком — и затих.

Тогда Вест спросил Лютишу, другого внука, что он видел в полёте и что говорил ему Сварожич? И Лютиша тоже ничего не подметил

*Лютиша, Марун и Потех вернулись к хижине,
сели на камень у двери и рассказали деду,
что с ними случилось.*

и не запомнил. Но тут из-под камня вылез второй бесёнок, совсем маленький, нескладный, рогатый и грязный, как хорёк. Бесёнок ухватил Лютишу за рубашку и прошептал:

— Скажи: «Я видел много вооруженных людей, много луков и стрел и множество рабов в цепях. И сказал мне Сварожич: «Ты будешь самым могучим из братьев»».

Лютиша размышлял не больше, чем Марун, но был очень доволен услышанным и соврал дедушке, как ему подсказал бесёнок. А тот тут же перепрыгнул ему на шею, сполз по рубашке, спрятался за пазухой и там затих.

И вот дед обратился к младшему внуку, Потеху, но и тот ничего не смог вспомнить. И тогда из-под камня вылез третий бесёнок, самый маленький, самый уродливый, с большими рогами и чёрный, как крот.

Бесёнок дернул Потеха за рубашку и прошептал:

— Скажи: «Я видел все небеса, все звёзды и все облака. И сказал мне Сварожич: «Ты будешь мудрейшим среди людей и будешь знать, что говорят ветры и рассказывают звёзды»».

Но Потех любил правду, и поэтому он не стал слушать бесёнка и лгать деду, а сказал ему, пнув бесёнка ногой:

— Я не помню, дедушка, что я видел и что я слышал.

Бесёнок взвизгнул, укусил Потеха за ногу, а затем юркнул под камень, как ящерица. Но Потех собрал целебные травы и перевязал ими ногу, чтобы та поскорее зажила.

II

И вот бесёнок, которого пнул Потех, сначала юркнул под камень, затем в траву и после запрыгал в лес, а из леса — в ивовые заросли.

Весь дрожа от страха, он подошёл к Бесомару и сказал:

— Бесомар, грозный государь, я не смог вскочить на того юношу, которого ты отдал на моё попечение.

Тут Бесомар впал в страшную ярость, потому что он хорошо знал этих трёх братьев, а больше всего он боялся Потеха, боялся, что тот вспомнит правду. Ведь если бы Потех вспомнил правду, то Бесомар никогда не смог бы избавиться ни от старого Веста, ни от священного огня.

Поэтому он схватил маленького бесёнка за рога, поднял его на руки и от души отхлестал большим берёзовым прутом.

— Иди обратно! — прорычал он. — Возвращайся к юноше, и будет у тебя чёрный день, если он когда-нибудь вспомнит правду!

С этими словами Бесомар отпустил бесёнка, а тот, перепуганный до полусмерти, три дня просидел на корточках в ивовых зарослях и всё думал и думал, как исполнить поставленную перед ним трудную задачу. «Наверняка у меня будет столько же проблем с Потехом, сколько у Потеха со мной», — размышлял бесёнок. Ведь бесёнок был глупым бездельником, и любая работа ему была ненавистна.

И пока он сидел на корточках в ивовых зарослях, два других бесёнка уже вовсю орудовали: один — в сумке Маруна, другой — на груди Лютиши. С того дня Марун и Лютиша стали бродить по холмам и долам и даже дома спали мало — и всё из-за бесов!

На дне сумки Маруна свернулся бесёнок, который любил богатство больше, чем рог над правым глазом.

Поэтому весь день он бил Маруна по рёбрам, дразня и подначивая его:

— Быстрее, быстрее! Ты должен искать, ты должен найти! Давай искать пчёл, собирать мёд, а потом будем вести учёт с бесконечными рядами отметок на бирках!

Так говорил бесёнок, потому что в те времена считали имущество человека по зарубкам на бирках.

Бесёнок Лютиши бил его в грудь: он хотел стать самым могучим из всех, повелителем всей земли. Поэтому он беспокоил и тревожил Лютишу, уговаривал его побродить по лесу в поисках молодых ясеней и стройных побегов клёна, чтобы сделать доспехи и воинское оружие.

— Скорее, скорее! — дразнил бесёнок. — Ты должен искать, ты должен найти! Нам нужны копья, луки и стрелы, подходящие для богатыря, чтобы люди и звери трепетали перед нами!

И оба брата, и Лютиша, и Марун, слушались своих бесов и отправлялись на поиски, следуя бесовским советам.

А Потех оставался с дедом в тот день и ещё три дня, и всё это время он ломал голову над тем, что же такое мог поведать ему Сварожич, потому что Потех хотел рассказать деду правду, но, увы, никак не мог её вспомнить!

Так прошёл тот день, и следующий, и ещё три дня, и вот на третий день Потех сказал деду:

— Прощай, дорогой дедушка. Я уйду в горы и не вернусь, пока не вспомню правду, даже если на это уйдёт десять лет.

Волосы Веста были уже совсем седыми, и мало что интересовало его на этом свете, кроме внука Потеха, а его он любил и лелеял, как увядший лист лелеет каплю росы. И вот старик печально вздохнул и сказал:

— Что толку от правды, мой мальчик, ведь я могу умереть и сгинуть задолго до того, как ты о ней вспомнишь?

Сказал он это, а в душе опечалился куда больше, чем показал на словах, и подумал: «Как мог этот мальчишка оставить меня?»

Но Потех ответил:

— Я должен уйти, дедушка, потому что я всё хорошо обдумал, и это мне видится правильным.

Вест был мудрым стариком и рассуждал так: «Пожалуй, в молодой голове больше мудрости, чем в старой; только если бедный мальчик поступает неправильно, то, как это ни печально, ему придётся заплатить жизнью за свою ошибку, ведь он такой кроткий и честный». Подумав об этом, Вест погрузился ещё сильнее, но не сказал больше ни слова. Он просто поцеловал внука на прощание и велел ему идти, куда тот пожелает.

Сердце Потеха сжалось от горя из-за деда, и он едва не передумал на пороге и не остался дома. Но он пересилил себя и решил всё делать так, как задумал. Потех вышел на улицу и направился в горы.

Как раз, когда Потех расстался с дедом, его бесёнок счёл, что не мешало бы выбраться из ивовых зарослей и заняться своей нудной, но необходимой работой. Он добрался до поляны с хижинкой как раз в тот момент, когда Потех спешил прочь.

И вот Потех отправился в горы, унылый и печальный. Когда он подошёл к первой скале, то увидел бесёнка, который что-то тараторил. «Ба, да это же тот самый бесёнок, — подумал Потех, — совсем маленький, уродливый, чёрный, как крот, и с большими рогами».

Бесёнок встал прямо на пути Потеха и не давал ему пройти. Тогда Потех рассердился на маленькое страшилище за то, что оно мешает ему, поднял камень, швырнул его в бесёнка и попал ему точно между рогов. «Наконец-то я его убил», — подумал Потех.

Но когда он посмотрел снова, бесёнок был таким же проворным, как и прежде, и там, куда попал камень, выросли ещё два рога!

«Ну, очевидно, камнями его не отогнать», — подумал Потех. Он обошел бесёнка и продолжил свой путь. Но бесёнок метался перед ним, то вправо, то влево, то прямо перед носом, совсем, как кролик.

Наконец они пришли на небольшой ровный выступ между скалами — очень каменистое место, с одной стороны которого был глубокий колодец.

— Здесь я и останавлиюсь, — сказал Потех и, расстелив под яблоней куртку из овечьей шкуры, сел, чтобы спокойно поразмышлять и вспомнить, о чём поведал ему Сварожич.

Когда бесёнок увидел это, он уселся на корточки под деревом прямо перед Потехом и принялся за свои глупые проделки, чем ужасно его беспокоил. Он гонял ящериц под ногами Потеха, бросал репейники ему на рубашку и засовывал кузнечиков в рукава.

«О, Боже, как же это надоело! — подумал Потех спустя некоторое время. — Я покинул мудрого деда, братьев и дом, чтобы побыть в тишине и вспомнить правду, а приходится тратить время на эту рогатую бестию!»

Но поскольку он пришел сюда ради благого дела, то всё-таки решил остаться здесь.

III

Так Потех и бесёнок зажили вместе на одиноком выступе между скалами, и каждый день был похож на первый. Бесёнок постоянно беспокоил Потеха так, что тот никак не мог собраться с мыслями.

Ясным утром Потех пробуждался ото сна и чувствовал себя счастливым. «Как кругом спокойно, как кругом прекрасно! Конечно же, сегодня я вспомню истину!» И вдруг ему на голову с ветки сыпались яблоки, так что голова гудела, а мысли путались. А с дикой яблони над ним потешалась маленькая нечисть и хохотала до упаду. Или Потех лежал в тени, размышляя о прекрасном, пока не говорил: «Ну вот, теперь я всё вспомню, теперь я докопаюсь до правды!» И тогда бесёнок окатывал его ледяной водой из родника, — и Потех снова начисто забывал о своих мыслях.

Не было ни одной глупой проделки, ни одной пустой забавы, которую бесёнок не разыграл бы с Потехом. И всё было бы хорошо, если бы Потех не находил, что наблюдать за этими дурачествами немного забавно, и хотя он напряжённо вспоминал, что сказал ему Сварожич, его глаза всё равно блуждали и оглядывались по сторонам, — он пытался понять, чем же займётся бесёнок на этот раз.

Потех злился на себя за это, ведь он всё больше и больше томился по деду и прекрасно понимал, что ему никогда не вспомнить истину, пока рядом развится бесёнок.

— Я должен как-то избавиться от него, — однажды сказал Потех.

В одно прекрасное утро бесёнок придумал новую забаву. Он забрался на скалу, где протекал бурный ручей, сел на гладкую деревяшку, словно на коня, и помчался вниз по ручью, как молния! Эта проделка так понравилась маленькому негоднику, что он решил, что для большего удовольствия ему нужна компания! Он свистнул в дудочку, и свист разнёсся по холмам и долам, и тут же из кустов, скал и ивовых зарослей выскочили бесы, совсем крошечные, как он сам. Он отдавал команды, и каждый бесёнок брал какую-нибудь деревяшку и взбирался с ней на утёс. Боже мой, как же они ловко вскочили на своих лошадок и помчались вниз по течению! Там были бесы всех сортов, размеров и видов — красные, как грудка малиновки, зелёные, как зеленушки, покрытые шерстью, как ягнята, голые, как лягушки, рогатые, как улитки, лысые, как мыши. Они неслись вниз по течению, как безумные на сумасшедших лошадях. Они мчались один за другим, не останавливаясь, пока не долетали до середины уступа, а там лежал большой камень, весь поросший мхом. У него они резко останавливались, и от неожиданной остановки, а также от шаловливого настроения кувыркались и карабкались друг на друга по мошистому камню!

Глупая компашка, визжа от радости, проделала этот путь уже два или три раза, и бедняга Потех метался между двумя мыслями. С одной стороны, ему хотелось посмотреть на бесов и позабавиться с ними, а с другой — он злился на них за то, что они подняли такую шумиху, и он не мог вспомнить правду. Поэтому он долго мешкал, а в конце концов сказал:

— Ну, это уже не шутки. Я должен избавиться от этих бездельников, потому что, пока они здесь, я ничего не вспомню.

*...Бесёнок забрался на скалу, где протекал бурный ручей,
сел на гладкую деревяшку, словно на коня,
и помчался вниз по ручью, как молния!*

Размышляя над этим, Потех заметил, что когда они мчатся вниз по течению, то направляются прямо к колодцу, и если бы не большой камень, то они бы все свалились в него. Поэтому Потех присел за камнем, и когда бесы снова ринулись вниз по ручью, гогоча и хихикая, как прежде, он быстро откинул камень, и вся безумная компания понеслась прямо к колодцу, а потом и в него, головой вперёд, один за другим — красные, как грудка малиновки, зелёные, как зеленушки, покрытые шерстью, как ягнята, голые, как лягушки, рогатые, как улитки, лысые, как мыши, — и прежде всего тот, кто прицепился к Потеху.

Потех накрыл колодец большим плоским камнем, и все бесы оказались внутри, как мухи в кувшине.

Потех очень обрадовался, что избавился от бесов, сел и решил, что теперь он действительно вспомнит правду.

Но ничего из этого не вышло, потому что внизу, в колодце, бесы начали ворочаться и копошиться, как никогда раньше. Из каждой щели взметались крошечные язычки пламени, которые испускали бесы от испуга и отчаяния. Всполохи огня плясали и колыхались вокруг колодца, пока у Потеха не закружилась голова. Он закрыл глаза, чтобы они не вызывали у него головокружения.

Но тут из ямы поднялся такой шум, гам, стук, грохот, лай и тьяканье, такие вопли и крики о помощи, что у Потеха чуть не лопнули уши, — и как он мог вообще пытаться думать о чём-то? Он заткнул их, чтобы не слышать этого.

Затем до него добрался запах серы и гари. Из каждой щели и трещины валил густой едкий дым, который бесы извергали изо всех сил. Дым и серные испарения вились вокруг Потеха — они душили и отравляли его.

Потех понял, что помощи ждать неоткуда.

— Бесы в заточении во сто крат хуже, чем на свободе, — сказал он, — так что я просто пойду и выпущу их на волю, раз уж всё равно не могу от них избавиться. В конце концов, лучше уж их шалости, чем вся эта кутерьма.

Тогда он пошёл и поднял камень. Перепуганные бесы бросились врассыпную, как стая диких кошек, убежали в лес и больше никогда не возвращались на уступ. Остался только один бесёнок, — чёрный, как крот, и с большими рогами, — потому что он не осмелился покинуть Потеха, опасаясь гнева Бесомара.

С того дня он немного одумался и зауважал — самую малость — Потеха. И вот они пришли к согласию между собой: они свыклись друг с другом и стали жить бок о бок на каменном уступе.

Так пролетел почти год, а Потех всё не мог вспомнить, что же на самом деле рассказал ему Сварожич.

Когда год почти закончился, бесёнку стало ужасно скучно. «Сколько ещё мне здесь торчать?» — подумал он.

Однажды вечером, когда Потех уже собирался заснуть, бесёнок подполз к нему и сказал:

— Ну, друг мой, ты сидишь здесь целый год и один день, и что в этом хорошего? Кто знает, может быть, за это время твой старый дед умер в одиночестве в своей хижине.

Острая боль пронзила сердце Потеха, словно его ударили ножом, но он сказал:

— Я принял решение не уходить отсюда, пока не вспомню правду, потому что правда превыше всего.

Так ответил Потех, потому что он был честен и действовал из добрых побуждений.

Но в глубине души он всё равно был глубоко обеспокоен сказанным бесёнком. Он всю ночь не сомкнул глаз, а только всё думал и думал: «Как там поживает старик, мой дорогой дедушка?»

IV

Всё это время старик жил с Маруном и Лютишей на поляне, но жить старику с внуками стало невмоготу. Внуки перестали беспокоиться о нём и не подходили к нему. Они не говорили ему ни «доброго утра», ни «спокойной ночи», а занимались только своими делами и слушали бесов, которых приютили, — одного в сумке, другого на груди.

Каждый день Марун приносил из леса всё больше и больше ульев, рубил брёвна, сколачивал стропила и постепенно строил новую хижину. Он вырезал себе десять бирок и каждый день подсчитывал и представлял, когда эти бирки заполнятся.

Что касается Лютиши, то он ходил на охоту и на промысел, приносил домой дичь и меха, добычу и сокровища, а однажды он

даже привёл с собой двух рабов, которых пленил, чтобы они работали на братьев и прислуживали им.

Всё это было очень тяжело и неприятно для старика, а ещё тяжелее и неприятнее были взгляды внуков, которые они бросали на него. Что им за дело до старика, который не хочет пользоваться рабами, а позорит своих внуков тем, что сам рубит дрова и черпает воду из колодца? В конце концов, не было в старике ничего такого, что не раздражало бы внуков, даже то, что каждый день он подкладывал полено в священный огонь.

Старый Вест прекрасно понимал, к чему всё это приведёт, и что очень скоро от него захотят избавиться. Он не очень заботился о своей жизни, потому что жизнь была ему ни к чему, но ему было жаль умирать, так и не увидев больше Потеха, милого мальчонку, который был отрадой его старости.

Однажды вечером, — и это был тот самый вечер, когда Потех был так встревожен, думая о своём дедушке, — Марун сказал Лютише:

— Пойдем, брат, избавимся от старика. У тебя есть оружие. Подождём его у колодца и там убьём.

Марун сказал это, потому что ему во что бы то ни стало нужна была старая хижина, чтобы поставить на этом месте свои ульи.

— Я не могу, — ответил Лютиша, чьё сердце не ожесточилось среди кровопролития и грабежей так, как сердце Маруна среди богатств и бирок.

Но Марун не сдавался, потому что бесёнок в его сумке не переставал шептать и ворчать. Бесёнок прекрасно понимал, что если Марун первым уберёт старика, то он тем самым заслужит большое уважение у Бесомара.

Марун изо всех сил пытался уговорить Лютишу, но Лютиша не мог заставить себя убить деда собственной рукой. В конце концов они договорились, что этой же ночью сожгут хижину старика, — сожгут вместе с ним!

Когда на поляне всё затихло, братья отправили рабов сторожить ловушки в лесу. Сами же тихонько подкрались к хижине Веста, крепко подпёрли наружную дверь, чтобы старик не смог выбраться из пламени, а затем подожгли дом с четырёх углов.

Сделав это, они ушли прочь и скрылись в горах, чтобы не слышать, как их бедный старый дед взывает о помощи. Они решили пройти

по всей горе, сколько смогут, и не возвращаться до следующего дня, когда всё будет кончено, а их дед и хижина сгорят вместе.

Так они и сделали, и пламя начало медленно подниматься вверх, огибая углы. Но стропила были из морёного и твёрдого, как камень, ореха, и хотя огонь лизал их и полз по ним, он не мог зацепиться как следует, так что только поздно ночью пламя охватило крышу.

Старый Вест проснулся, открыл глаза и увидел, что над его головой полыхает крыша. Он встал и подошёл к двери, а когда обнаружил, что она подперта с другой стороны, то сразу понял, чьих рук это дело.

— Ох, дети мои! Бедные мои, милые дети! — сказал старик. — Вы опустошили сердца, чтобы наполнить свои жалкие бирки, но вот ваши бирки ещё не полны, и в них ещё не хватает многих зарубок, а ваши сердца уже полностью пусты, коли вы решились сжечь родного деда и хижину, в которой родились.

Вот и всё, что старик Вест сказал о Маруне и Лютише. После этого он не думал о них ни хорошо, ни плохо и больше не горевал о них, а сел спокойно посреди дома и стал ждать смерти.

Он уселся на дубовый сундук и задумался о своей долгой жизни — и что бы в ней ни было, он ни о чём не жалел, кроме того, что в его последний час с ним не было рядом Потеха, его дорогого дитяти, о котором он так сильно горевал.

Так он и сидел, а крыша уже полыхала, как факел.

Стропила прогорали, потолок начал трескаться. Затем он вспыхнул, затрещал и вместе с горящими стропилами рухнул в хижину. Пламя пылало вокруг Веста, а над его головой зияла крыша. Он уже видел, как в небе бледнеет предрассветная заря. Старый Вест поднялся на ноги, воздел руки к небу и принялся ждать, когда огонь унесёт его из этого мира, — старика и его старую хижину вместе с ним.

V

Потех ужасно волновался в ту ночь, а с наступлением утра отправился к колодцу, чтобы охладить пылающее лицо.

Солнце только взошло на небо, когда Потех добрался до колодца и, подойдя к нему, увидел, что в воде появился свет. Он сиял, поднимался, и вот возле колодца перед Потехом стоял прекрасный юноша в золотых одеждах. Это был Сварожич.

Потех вскочил от радости и сказал:

— Мой господин Сварожич, как я тосковал по вам! Расскажите, что вы сказали мне тогда и что я должен был сделать? Вот уже год и один день я ломаю голову, мучаюсь, призываю на помощь всю свою смекалку и не могу вспомнить правду.

Когда Потех договорил, Сварожич довольно сердито покачал головой с золотистыми кудрями.

— Эх, мальчик, мальчик! Я говорил тебе, чтобы ты оставался с дедом, пока не окажешь ему должной любви, и не покидал его, пока он не покинет тебя, — сказал Сварожич.

И затем продолжил:

— Я думал, ты мудрее своих братьев, а ты оказался самым глупым из вас троих. Вот ты год и день ломал голову и призывал на помощь свой ум, чтобы вспомнить правду, а если бы ты послушал своё сердце, когда оно подсказало тебе на пороге хижины повернуть назад и не покидать старого деда, то ты, глупый мальчик, узнал бы правду, даже не имея ума!

Так сказал Сварожич. Он ещё раз укоризненно покачал головой с золотыми кудрями, затем запахнул золотой плащ и исчез.

Пристыженный и обеспокоенный, Потех остался один у колодца и услышал, как между камнями хихикает бесёнок, совсем маленький, уродливый и с большими рогами. Маленький негодник был доволен тем, что Сварожич посрамил Потеха, который всегда напускал на себя такой праведный вид. Но когда Потех опомнился от первого изумления, он радостно воскликнул:

— Сейчас я быстренько умоюсь, а потом помчусь к моему дорогому старому дедушке.

Так он сказал и опустился на колени у колодца, чтобы умыться. Потех наклонился, чтобы дотянуться до воды, но наклонился слишком сильно, потерял равновесие и упал в колодец.

Упал в колодец и утонул.

VI

Бесёнок вскочил с камней, подбежал к колодцу и посмотрел вниз, чтобы своими глазами убедиться, что это действительно так.

Да, Потех действительно утонул. Он лежал на дне колодца белый, как воск.

— О-го-го! О-го-го! — закричал бесёнок, который был всего лишь бедным глупышом. — О-го-го! О-го-го! Я сегодня же возвращаюсь домой!

Бесёнок заголосил так, что все камни вокруг уступа зазвенели. Он подбросил вверх камень, лежавший у колодца, и тот, опрокинувшись, накрыл колодец, как крышка. Затем он бросил на землю кожаную куртку Потеха, а сам сел на неё и начал скакать и резвиться.

— О-го-го! О-го-го! Моя работа выполнена! — завопил бесёнок. Но недолго он скакал по куртке, недолго он вопил.

Когда бесёнок устал, он оглянулся на выступ, и его охватило странное чувство.

Видите ли, бесёнок привык к Потеху. Никогда ещё ему не было так легко, как с этим добрым юношей. Ему позволяли дурачиться как угодно, никто его не ругал и не приказывал ему прекратить, а теперь, когда он об этом подумал, он понял, что ему придётся воротиться в ивовые заросли, в трясину, к своему сердитому королю Бесомару и вытворять бесовские проделки среди пятисот других бесов — все они были такими же, как он сам.

Он начал размышлять — совсем немного. Ему стало грустно — совсем чуть-чуть, потом всё больше и больше, наконец он стал бить себя по рукам, и глупый, дурной бесёнок, который минуту назад кричал от радости, теперь рыдал и выл от горя и катался по куртке, обезумев от страдания.

Он рыдал и выл, пока все его прежние вопли не стали сущим пустяком. Ведь бесёнок всегда остаётся бесёнком. Стоит ему начать выть, как он уже не может остановиться. Он клоками выдирал мех из куртки и катался по ней, словно сумасшедший.

Как раз в этот момент к одинокому выступу подошли Лютиша и Марун.

Они обошли всю гору и теперь возвращались домой на поляну, чтобы проверить, сторел ли дед вместе с хижинкой. На обратном пути они наткнулись на выступ, где никогда раньше не бывали.

Лютиша и Марун услышали, как кто-то жалобно причитает, и, увидев куртку Потеха из овечьей шкуры, сразу же подумали, что брат их, должно быть, попал в беду.

Не то чтобы им было жаль его, ведь они не могли ни о ком горевать, пока рядом с ними были бесы, но в этот момент их бесы начали ворочаться, потому что слышали, что кто-то из сородичей попал в беду. А ведь нет такого рода, который держался бы друг друга теснее и был бы более верен друг другу в беде, чем бесы. В ивовых зарослях они целыми днями ссорились и ругались, но если случалась беда, каждый из них за другого был готов отдать кожу с голени.

Поэтому они заёрзали и забеспокоились, наострили уши, а потом и вовсе выглянули наружу — один из сумки, другой из рубашки. И когда они выглянули, то сразу же увидели, что их брат с кем-то или с чем-то катается — катается и корчится, и ничего не видно, только шерсть разлетается.

— Его терзает дикий зверь! — закричали перепуганные бесы.

Они выпрыгнули, один из сумки Маруна, а другой из-за пазухи Лютиша, и поспешили на помощь своему соплеменнику.

Но когда они добежали до него, он только катался по куртке и завывал:

— Мальчик умер! Мёртв мой мальчик!

Два других беса попытались успокоить его и подумали: «Может быть, ему в лапу попала колючка или в ухо залетела мошка», — ведь они никогда не жили с праведником и не знали, что значит оплакивать других.

Но первый бесёнок продолжал выть так, что вы не могли бы слышать собственного голоса, и его ничем нельзя было утешить.

Так что остальные бесы были в затруднении, что же им делать? Они не могли оставить его в беде. Наконец им пришла в голову одна мысль. Каждый ухватился за один рукав куртки, и они поволокли куртку с сородичем внутри за собой. Вскоре они скрылись в лесу, а из леса пробрались в ивовые заросли — домой, к Бесомару.

Так впервые за год и день Лютиша и Марун избавились от своих бесов. Когда бесы усакали от них, братьям показалось, будто они год и день ходили по свету, как слепые, и сейчас, на скалистом выступе, впервые увидели мир воочию.

Сначала они растерянно смотрели друг на друга, а потом поняли, какое страшное и подлое дело учинили над дедом.

— Брат, родимый! — крикнули они друг другу. — Мчимся скорее домой, спасём нашего деда!

И они помчались, словно на соколиных крыльях, домой, на поляну.

Когда они очутились на поляне, хижина уже была без крыши. Из неё столбом поднималось пламя. Уцелели только стены и дверь, да и та была крепко подперта.

Братья поспешили к хижине, открыли дверь, ворвались в неё и на руках вынесли старика из пламени, которое вот-вот должно было охватить его ноги.

Они вынесли его наружу и положили на прохладную зелёную траву, а потом встали рядом, не осмеливаясь произнести ни слова.

Через некоторое время старый Вест открыл глаза и, увидев их, ничего у них не спросил. Единственный вопрос, который он задал, был:

— Вы нашли Потеха где-нибудь в горах?

— Нет, дедушка, — ответили братья. — Потех мёртв. Он утонул сегодня утром в колодце. Но, дедушка, прости нас, и мы будем служить тебе, как рабы.

Пока они так говорили, старый Вест поднялся на ноги.

— Я вижу, что вы уже прощены, дети мои, — сказал он, — раз стоите здесь живые. Но тот, кто был самым честным из вас троих, должен был заплатить жизнью за свою ошибку. Пойдёмте, дети, отведите меня к месту, где он умер.

Смиренно раскаиваясь, Лютиша и Марун взяли деда под руки и повели его к уступу. Прошли они немного и увидели, что сбились с пути, ведь раньше они никогда не ходили этой тропой. Они сказали об этом дедушке, но он лишь велел им идти по тропе дальше.

*Каждый ухватился за один рукав куртки,
и они поволокли куртку с сородичем внутри за собой.*

Так они дошли до крутого склона, а тропа вела вверх по нему прямо к гребню горы.

— Не умер бы наш дедушка, — прошептали братья, — он такой слабый, а склон горы такой крутой.

Но старый Вест только сказал:

— Вперёд, дети, вперёд по тропе.

И они стали подниматься по тропе, а старик всё больше сидел и бледнел лицом. На гребне горы появилось нечто прекрасное, что шелестело и звенело, сверкало и переливалось.

Когда они достигли гребня, то застыли в молчании и каменной неподвижности от удивления и благоговения.

Ибо не было перед ними ни холма, ни долины, ни горы, ни равнины, вообще ничего, а только огромное белое облако, раскинувшееся перед ними, как огромное белое море, — белое облако, а на белом облаке — розовое облако. На розовом облаке возвышалась стеклянная гора, а на стеклянной горе — золотой дворец, и широкие ступени вели к его воротам.

Это был золотой дворец Сварожича. Оттуда струился мягкий свет — частью от розового облака, частью от стеклянной горы, частью от стен из чистого золота, но больше всего — от окон самого дворца. Ибо там восседали гости Сварожича, пили из золотых кубков за здоровье и приветствовали каждого вновь прибывшего.

Но Сварожич не приемлет тех, кто таит в душе своей какую-либо вину, и не пускает их в свою обитель. Поэтому во дворце собирается лишь благородная, избранная компания, и от них струится свет в окна.

Старый Вест с внуками остановились перед облаком, и, потеряв дар речи, смотрели на это чудо. Они внимательно пригляделись, и вдруг заметили, что кто-то сидит на ступенях, ведущих во дворец. Некто закрыл лицо руками и плакал.

Старик присмотрелся и узнал его — это был Потех.

Душа старика встрепенулась. Он собрался с силами и крикнул сквозь облако:

— Что с тобой, дитя моё?

Потех ответил:

— Эх, дедушка, великий свет поднял меня из колодца и принёс сюда. Я дошёл до самого дворца, но меня не пустили в него, потому что я согрешил против тебя.

Слёзы побежали по щекам старика. Его руки и сердце рвались приласкать дорогое дитя, утешить его, помочь ему, освободить его, любимого.

Лютиша и Марун посмотрели на деда: его лицо совершенно изменилось. Оно стало пепельным, измождённым и совсем не походило на лицо живого человека.

— Старик помрёт от всех этих зрелищ, — прошептали братья друг другу.

Но старик поднялся во весь рост и уже удалялся от них, как вдруг снова оглянулся и сказал:

— Идите домой, дети, на поляну, раз уж вы прощены. Живите и наслаждайтесь со всей праведностью тем, что выпадет на вашу долю. Я же иду помочь тому, кому досталась лучшая доля величайшей ценой.

Голос старого Веста был совсем слабым, но он стоял перед ними, прямой, как древко копья.

Лютиша и Марун посмотрели друг на друга. Неужели их дед сошёл с ума, раз вздумал шагать по облакам, когда у него едва хватало дыхания на речь?

Однако старик уже покинул их. Он оставил внуков одних, пошёл вперёд и ступил на облако, как на луг. Шагнув на него, он пошёл дальше. Он шёл, и ноги несли его, словно пёрышко, а плащ его развевался на ветру. Так он дошёл до розового облака, и до стеклянной горы, и до широких ступеней. Он взлетел по ступеням к любимому внуку. Сколько было радости, когда старик прижался к нему! Он обнял его и прижал к себе так крепко, словно никогда не отпустит. А Лютиша и Марун всё это видели. Через облако они слышали, как старик и внук плакали в объятиях друг друга от великого счастья.

Затем старик взял Потеха за руку и повёл к воротам дворца. Левой рукой он держал внука, а правой стучал в ворота.

И вот чудо! В тот же миг распахнулись огромные ворота, открылось всё великолепие дворца, и собравшиеся внутри знатные гости встретили на пороге старика Веста и внука Потеха.

Они приветствовали их, протянули им руки и провели внутрь.

Лютиша и Марун видели, как они прошли мимо окна и как их посадили за стол. Первое место было отдано старому Весту, а рядом с ним сидел Потех; там же сидел золотой юноша Сварожич и пил за здоровье своих гостей из золотого кубка.

Сильная тоска охватила Лютишу и Маруна, когда увидели они себя покинутыми среди таких великолепных зрелищ.

— Пойдём, брат, на нашу поляну, — прошептал Марун. Они повернулись и ушли.

Ошеломленные многими чудесами, они вернулись на свою поляну, но никогда больше не могли найти ни тропинки, ни склона, ведущего к гребню горы.

VII

Так всё было, и так всё случилось.

Лютиша и Марун продолжали жить на поляне. Они жили долго, как доблестные и честные люди, и вырастили хороших сыновей и внуков. От отца к сыну передавали всё доброе и, конечно же, священный огонь, который каждый день подкармливали свежим поленом, чтобы он никогда не погас.

Так что, как видите, Бесомар был прав, когда больше всего опасался Потеха, ведь если бы Потех не погиб в поисках правды, бесы никогда бы не покинули Лютишу и Маруна, и на поляне не было бы ни праведников, ни священного огня.

Но так не случилось, к великому стыду и разочарованию Бесомара и всей его своры.

Когда два бесёнка притащили к Бесомару куртку Потеха из овечьей шкуры, а внутри неё — третьего бесёнка, который всё ещё кричал и метался, как сумасшедший, Бесомар пришёл в невиданную ярость, ибо теперь понял, что все трое юношей ускользнули от него. В гневе он приказал обрезать всем трём бесам рога и выставить их на всеобщее посмешище!

Но хуже всего для Бесомара было вот что — каждый день священный дым проходил через его горло и заставлял его ужасно кашлять. Кроме того, он никогда больше не осмеливался выходить в лес, опасаясь встретить кого-нибудь из доблестного народа.

Так что Бесомар не получил ничего, кроме старой куртки Потеха из овечьей шкуры, и я уверен, что Потех даже рад этому, потому что в золотых палатах Сварожича она ему не нужна.

Рыбак Полунко
и его жена

I

Рыбак Палунко был сыт по горло своей жалкой жизнью. Он жил один на пустынном морском берегу и каждый день ловил рыбу костяным крючком, потому что в те времена ещё не знали о сетях. Да, впрочем, много ли рыбы можно поймать на крючок?

«Ну и собачья же это жизнь! — восклицал про себя Палунко. — Что поймал утром, то и съел на ночь, и нет мне радости в этом мире, совсем нет».

И вот Палунко услышал, что в стране есть и богатые господа, и люди, обладающие огромной властью и могуществом, которые живут в роскоши и достатке, купаются в золоте и питаются трюфелями. И тогда Палунко задумался, как бы ему тоже приобщиться к такому богатству и жить среди них. И решил он дать зарок, что целых три дня будет сидеть в своей лодке на море и не поймает ни одной рыбки, но посмотрит, поможет ли ему это.

И просидел Палунко три дня и три ночи в своей лодке на волнах — три дня он сидел, три дня постился, три дня не ловил рыбы. Когда забрезжил третий день, о, чудо, из моря поднялась серебряная лодка, — серебряная лодка с золотыми веслами, — а в лодке, прекрасная, как королевна, стояла бледная Заря-девица¹.

— Три дня ты щадил жизни моих маленьких рыбок, — сказала Заря-девица, — а теперь скажи мне, что ты хочешь, чтобы я для тебя сделала?

— Помоги выбраться из этой жалкой и скудной жизни. Целыми днями я тружусь в этом пустынном месте. То, что я ловлю днём,

---

¹ По сей день многие старинные народные сказки славян повествуют о *Заря-девице*, которая рано утром плывёт по морю в своей золотой лодке с серебряным веслом и живёт на острове Буяне.

я съедаю на ночь, и нет мне радости в этом мире, совсем нет, — отвечал Палунко.

— Иди домой, — сказала Заря-девица, — и там ты найдешь всё, что тебе нужно.

И как только она проговорила эти слова, серебряная лодка погрузилась в море.

Палунко спешно вернулся на берег, а затем домой. Когда он подошёл к дому, навстречу ему вышла бедная девушка-сирота, измождённая долгим блужданием по горам. Она сказала ему:

— Моя мать умерла, и я совсем одна на свете. Возьми меня в жёны, Палунко.

Палунко не знал, что делать. «Неужели это та самая удача, которую послала мне Заря-девица?» Палунко понимал, что девушка — такая же нищая и несчастная, как и он сам; с другой стороны, он боялся ошибиться и лишиться себя удачи. Поэтому он согласился и взял бедняжку в жёны, а она, очень уставшая, легла и проспала до утра.

Палунко с трудом дождался следующего дня, гадая, в чём же проявится его удача. Но в тот день ничего не произошло, кроме того, что Палунко взял свой крючок и отправился на рыбалку, а жена пошла на холм собирать дикий шпинат. Вечером Палунко вернулся домой, она тоже, и они поужинали рыбой и диким шпинатом. «Эх, если это вся удача, то я мог бы и без неё обойтись», — подумал Палунко.

Ближе к вечеру жена села рядом с Палунко и стала рассказывать ему истории, чтобы скоротать время. Она рассказывала ему о богачах и королевских замках, о драконах, которые следят за кладами, и о королевских дочерях, которые засевают свои сады жемчугом и собирают драгоценные камни. Палунко слушал, и сердце его пело от радости. Он забыл, как он беден, — он мог бы сидеть и слушать её три года подряд. Но Палунко ещё больше обрадовался, когда подумал: «Она — жена-фея. Она может показать мне дорогу к кладам драконов или в сады королей. Мне нужно только набраться терпения и не сердить её».

И Палунко стал ждать. День проходил за днём, год за годом, — прошло уже два года. У них родился маленький сын, они называли его Влатко. И всё шло как обычно, своим чередом. Палунко ловил рыбу, а его жена собирала на холмах дикий шпинат. Вечером она готовила ужин, а после ужина укачивала малыша и рассказывала Палунко истории. Они становились всё красивее и красивее, а Палунко всё труднее и труднее

было ждать чуда, пока, наконец, однажды вечером это ему не надоело, — как раз когда жена рассказывала ему о несметных сокровищах Морского Короля¹, Палунко в ярости вскочил, затряс её за руку и закричал:

— Говорю тебе, я больше не могу ждать! Завтра утром ты отве-
дёшь меня в замок Морского Короля!

Когда Палунко так подскочил, жена сильно испугалась. Она сказала ему, что не знает, где находится дворец Морского Короля, но Палунко стал жестоко избивать бедную жену и угрожал убить её, если она не поведаст ему свою волшебную тайну.

Тогда несчастная девушка поняла, что Палунко принял её за фею. Она разрыдалась и воскликнула:

— Никакая я не фея, а бедная девушка-сирота, которая не знает ни заклинаний, ни волшебства. А что касается историй, которые я тебе рассказывала, то они шли из моего собственного сердца, чтобы снять с тебя усталость.

Это ещё больше разозлило Палунко, ведь он два года прожил в раю для дураков, и он сердито приказал жене на следующее утро до рассвета уйти с ребёнком вдоль морского берега в правую сторону, а он, Палунко, пойдёт в левую, и она не должна была возвращаться, пока не найдёт дорогу к дворцу Морского Короля.

Когда наступил рассвет, жена заплакала и стала умолять Палунко не посылать её на поиски неизвестного.

— Кто знает, где один из нас может погибнуть на этом пустынном морском берегу? — говорила она.

Но Палунко снова набросился на неё с гневными словами, так что она взяла малыша и с плачем отправилась туда, куда велел ей муж. А он сам пошёл в противоположном направлении.

И пошла жена вдоль берега с малышом, маленьким Влатко. Шла она неделю, шла две недели, но нигде не могла найти дорогу ко дворцу Морского Короля. Она так устала, что однажды заснула на камнях у моря. Когда она проснулась, её ребенка уже не было — маленький Влатко исчез бесследно.

Горе её было так велико, что слёзы застыли в глубине души. Она ни слова не могла произнести от постигшего её несчастья и с того часа лишилась дара речи.

---

¹ У словенцев и словаков есть сказки о могущественном и богатом *Морском Короле*, который правит в морских глубинах.

И бедное бессловесное создание побрело обратно по берегу моря, а на следующий день пришёл домой и Палунко. Он тоже не нашёл дороги к Морскому Королю и вернулся разочарованный и сердитый.

Когда он вернулся домой, то увидел, что малыш Влатко исчез, а жена онемела. Она не могла сказать ему, что случилось, но была измучена свалившейся тяжёлой бедой.

И так с того дня повелось: жена не плакала и не жаловалась, но занималась домашними делами и молча ждала Палунко, а в доме было тихо и спокойно, как в могиле. Некоторое время Палунко терпел, но в конце концов ему это порядком надоело. Он был почти уверен в том, что скоро найдёт сокровища Морского Короля, а тут на него свалились все эти хлопоты и заботы.

Тогда Палунко решил ещё раз дать морской зарок. И снова целых три дня он сидел в своей лодке на волнах, три дня постился и три дня не ловил рыбы. На третий день, на рассвете, перед ним возникла Заря-девица.

Палунко рассказал ей о случившемся и горько пожаловался:

— Мне стало хуже, чем когда-либо прежде. Малыш пропал, жена онемела, в моём доме уныло, как в могиле, и я вот-вот лопну от неприятностей.

На это Заря-девица не сказала ни слова, а задала Палунко вопрос:

— Чего ты хочешь? Я помогу тебе ещё раз.

Палунко был таким сумасбродом, что не мог думать ни о чём другом, кроме как о том, что он хочет увидеть сокровища Морского Короля и насладиться ими. Поэтому он не пожелал вернуть малыша или дар речи жене, а стал так умолять Заря-девицу:

— Прекрасная Заря-девица, — сказал он, — покажи мне дорогу к дворцу Морского Короля.

И снова Заря-девица ничего не сказала, но очень любезно отправила Палунко восвояси:

— В следующее новолуние на рассвете садись в свою лодку, дождись ветра и плыви по ветру на восток. Ветер принесёт тебя к острову Буяну¹, к Алатырь-камню². Там я буду ждать тебя и покажу тебе дорогу к Морскому Королю.

---

¹ *Буян* — чудесный остров, названный так за его изобилие, плодородие и буйную растительность. Так представляли себе Рай древние славяне.

² *Алатырь-камень* — упоминается в древних славянских сказаниях как «белый пылающий камень на острове Буяне» и, возможно, символизирует солнце.

Радостный, отправился домой Палунко.

Когда наступило новолуние (а жене он так ничего и не сказал), он на рассвете вышел на берег, сел в лодку и, дождавшись ветра, пустил её на восток.

Ветер подхватил лодку и понёс к Неведомому морю, к острову Буяну. Как зелёный сад, плавает по морю этот плодоносный остров. Трава там растёт густая, луга пышные, виноградные лозы полны ягод, а миндальные деревья розовы от обилия цветов. Посреди острова лежит драгоценный камень, белый пылающий камень Алатырь. Одна половина его освещает остров, а другая — море под островом.

Заря-девица очень любезно приняла Палунко, очень любезно проводила его в путь. Она показала ему мельничное колесо, плавающее по морю у острова, и русалок¹, танцующих хороводом вокруг него. Затем она сказала ему, — по обыкновению, очень любезно, — что он должен вежливо попросить мельничное колесо доставить его к Морскому Королю и не позволить Тёмным Морским Глубинам поглотить его.

Напоследок Заря-девица сказала:

— Много золота и сокровищ ты найдёшь во владениях Морского Короля. Но запомни — на землю тебе не вернуться, ибо путь преграждают три ужасных стража. Один из них вздымает волны, второй поднимает бурю, а третий мечет молнии².

Но Палунко был счастлив, как сверчок, и сразу погрёб к мельничному колесу, думая про себя:

«Сразу видно, прекрасная Заря-девица, что ты никогда не знала нужды в этом мире. Зачем же я стану стремиться обратно на эту землю, где я не оставляю после себя ничего, кроме горя и несчастья!»

И он поплыл к мельничному колесу, где вокруг него забавлялись и веселились русалки. Они ныряли и гонялись друг за другом по воде, их длинные волосы развевались на волнах, серебряные

---

¹ *Русалки* (морские девушки) — так в словенских и хорватских народных сказках называют необыкновенных морских существ, которые до пояса являются красивыми девушками, а ниже талии имеют форму раздвоенного рыбьего хвоста.

² Три чудовища (Чудовищная Змея, Птица с железным клювом и Золотая Пчела), которые, согласно народным сказкам, вздымают волны, поднимают бури и мечут молнии вокруг острова Буяна, откуда бури затем распространяются по всему миру.

*Ветер подхватил лодку и понёс к Неведомому морю,
к острову Буяну.*

плавники сверкали, а красные губы приветливо улыбались. И вот они сели на мельничное колесо и вспенили море вокруг него.

Лодка подплыла к мельничному колесу, и Палунко сделал всё, как велела ему Заря-девица. Он высоко поднял весло, чтобы Тёмные Морские Глубины не поглотили его, и вежливо попросил мельничное колесо:

— Колесо вертучее, крутись-вертись, пожалуйста, унеси меня вниз, либо в Тёмные Морские Глубины, либо во дворец Морского Короля.

Как только Палунко сказал эти слова, русалки пронеслись мимо, как множество серебряных рыб, окружили мельничное колесо, схватили спицы в свои нежные руки и начали вращать колесо — быстро-быстро.

В море образовался водоворот — неистовый водоворот, страшный водоворот. Водоворот подхватил Палунко, он закружил его, как щепку, и засосал вниз, в чертоги Морского Короля.

В ушах Палунко всё ещё звенело от морского прибоя и глупого смеха русалок, когда он внезапно обнаружил, что сидит на прекрасном песке — мелком песке из чистого золота.

Палунко огляделся и воскликнул:

— Эх, вот тебе и чудо невиданное! Целое поле золотого песка.

На самом деле то, что Палунко принял за большое поле, было всего лишь огромным залом Морского Короля. Море стояло вокруг зала, как мраморная стена, и нависало над ним, как стеклянный купол. От Алатырь-камня струились голубоватые лучи, бледные, как лунный свет. С потолка свисали гирлянды жемчуга, а на полу стояли столы из всевозможных кораллов.

В конце зала — в самом дальнем конце, где играли тонкие свирели и позвякивали крошечные бубенцы, — лениво развалился сам Морской Король. Он вытянул руки и ноги на золотом песке, приподняв только свою огромную, как у быка, голову. Рядом с ним стоял коралловый столик, а за ним — золотая изгородь.

Нежные свирели играли быстро и мягко, а маленькие бубенцы — звонко и весело, и всё вокруг сияло блеском и роскошью — Палунко раньше и представить себе не мог, что где-то в мире может быть столько счастья и блаженства!

Он просто обезумел от радости — радость ударила ему в голову, как крепкое вино, сердце его запело, он захлопал в ладоши, он скакал

по золотому песку, как резвый ребёнок, он перевернулся колесом раз, другой и ещё раз — совсем как глупый весёлый мальчишка.

Это очень позабавило Морского Короля. Ведь ноги у него тяжёлые — слишком тяжёлые, а его огромная, как у быка, голова ещё тяжелее. Морской Король захохотал, развалившись на золотом песке; он смеялся так искренне, что золотой песок взметнулся вокруг него.

— Ты хорош и лёгок на ноги, мой мальчик, — сказал Морской Король, потянулся вверх, достал жемчужную нить и протянул её Палунко.

Затем Морской Король приказал феям подводных морей принести в золотых сосудах отменные яства и медовое питьё. Палунко получил разрешение сидеть рядом с Морским Королем за коралловым столом, и, разумеется, это было великой честью для него!

Когда Палунко отужинал, Морской Король спросил его:

— Желает ли ты ещё чего-нибудь, дружище?

Чего же просить бедняку, который никогда не знал, что такое настоящее веселье? Палунко проголодался после долгого путешествия и лишь скудно пообедал отборными яствами и медовым питьём. Поэтому он ответил Морскому Королю:

— Как раз в то время, когда вы это сказали, о Морской Король, я мечтал о том, чтобы у меня была хорошая порция варёного дикого шпината.

Морской Король очень удивился, но быстро пришёл в себя, расхохотался и сказал Палунко:

— Эх, братец мой, дикий шпинат здесь очень дорог, дороже жемчуга и перламутра, потому что отсюда до места, где он растёт, очень далеко. Но раз уж ты так просишь, я пошлю одну пенную фею, чтобы она доставила немного шпината из страны, где он водится. Однако ты должен будешь три раза кувыркнуться для меня колесом.

Поскольку Палунко и так был в прекрасном расположении духа, это не составило для него особого труда. Он легко вскочил на ноги, и вокруг него быстро собрались все — и русалки, и крохотные жители дворца, и все, кто хотел посмотреть на это чудо!

Палунко пробежался по золотому песку и легко, как белка в колесе, кувыркнулся раз, затем второй и третий, а Морской Король и весь крошечный народец покатались со смеху от такой ловкости.

Но больше всех смеялся малыш: это был маленький королевич, которого русалки сами провозгласили королевичем для забавы.

Крохотный малыш сидел в золотой колыбели. Его маленькая рубашечка была из шёлка, колыбель была украшена крошечными жемчужными бубенцами, а в руках он держал золотое яблоко.

Пока рыбак кувыркался, маленький королевич так от души смеялся, что Палунко оглянулся на него. Он внимательно посмотрел на маленького королевича и тут же вздрогнул. Это был его собственный сынишка — малыш Влатко.

Палунко вдруг почувствовал отвращение. Он и предположить не мог, что ему так скоро всё это надоест.

Палунко нахмурился; он был зол, а когда немного оправился от шока, подумал: «Посмотрите на этого сорванца, как он тут устроился, бездельничая в праздности и забавах, когда дома мать его онемела от горя!»

Палунко был раздосадован: ему было неприятно видеть себя или своего сынишку в этом дворце. Но он не смел сказать ни слова, боясь, что его разлучат с малышом. Поэтому он сделался слугой собственного сынишки, малыша Влатко, и всё время думал про себя: «Возможно, иногда я буду оставаться с ним наедине. Тогда я напомню ему о его отце и матери, я убегу с ним. Я заберу маленького сорванца и вернусь с ним домой».

Так решил Палунко, и в один прекрасный день, когда он оказался наедине с маленьким королевичем, он прошептал ему: «Я твой батюшка, пойдём со мной, мой мальчик, убежим отсюда».

Но Влатко был ещё совсем маленьким и, прожив столько времени под водой, совсем забыл, каким был его отец. Маленький королевич засмеялся и подумал: «Палунко, наверное, так шутит», — и он пнул Палунко своей маленькой ножкой.

— Ты не мой отец — ты глупый болван, который кувыркается перед Морским Королём.

Это ранило Палунко в самое сердце, так что он чуть не умер от боли. Он отошёл и заплакал от глубокого горя. Все приближённые Морского Короля собрались вокруг него и говорили друг другу:

— Так, так, должно быть, он был великим владыкой на земле, раз плачет среди такого великолепия.

— Клянусь душой, — гневно воскликнул Палунко, — я был таким же, как ваш Морской Король. У меня был сын, который дёргал меня за бороду, жена, которая рассказывала мне чудесные истории,

и дикий шпинат, братцы, сколько угодно, и не надо было ни перед кем кувыркаться.

Морской народ изумился такой роскошной жизни и оставил Палунко одного оплакивать утраченное величие. А Палунко продолжал прислуживать маленькому королевичу. Он делал всё возможное, чтобы угодить малышу, думая при этом: «Я как-нибудь уговорю его сбежать со мной». Но маленький королевич с каждым днём становился все беззаботнее и капризнее — дни шли, и с каждым днём ребёнок всё больше и больше считал Палунко дурачком.

II

Всё это время жена Палунко сидела дома совсем одна и горевала. В первый вечер она развела огонь в очаге и приготовила горячий ужин для Палунко. Но когда она поняла, что муж больше не придёт, то погасила огонь и больше его не разжигала.

Так и сидела бедная немая душа на пороге. Она не работала, не убиралась, не плакала, не причитала, а просто тосковала от горя и печали. Она не могла ни с кем посоветоваться, потому что была немой, не могла переплыть море вслед за Палунко, поскольку была сломлена горем.

Куда ей, бедной, было податься, как не к дальним горам, где была похоронена её мать. Когда она стояла у могилы матери, к ней подошла прекрасная лань.

И как говорят бессловесные животные¹, так и лань обратилась к девушке:

— Ты не должна сидеть здесь и чахнуть, доченька моя, иначе твоё сердце разорвётся и твой дом погибнет. Но каждый вечер ты должна готовить для Палунко ужин, а после ужина — чесать прекрасную пеньку. Если же он не придёт домой, то утром ты должна взять его ужин, пеньку, а также двойную свирель и отправиться на скалистую гору. Играй на свирели; змеи и их детёныши приползут и съедят ужин, а морские птицы выстелют пенькой свои гнёзда.

---

¹ Южные славяне верили, что животные общаются друг с другом на особом «немом языке» и что определенные люди тоже могут говорить на нём и понимать его, что-то вроде телепатии.

*Палунко продолжал прислуживать
маленькому королевичу. Он делал всё возможное,
чтобы угодить малышу, думая при этом:
«Я как-нибудь уговорю его сбежать со мной».*

Дочь прекрасно поняла всё, что сказала мать, и как она велела, так и делала. Каждый вечер она готовила ужин, а после ужина чесала пеньку. Палунко всё не возвращался, и тогда девушка утром брала двойную свирель и несла и ужин, и пеньку на скалистую гору. Когда она тихонько играла на правой дудочке, из скал вылезали змеи с детёнышами. Они съедали ужин и благодарили девушку немой речью. А когда она играла на левой дудочке, слетались чайки, большие и маленькие, уносили пеньку в свои гнёзда и тоже благодарили девушку.

Так продолжалось три месяца — трижды луна прибывала и убывала, а Палунко так и не вернулся домой.

И снова горе одолело бедную немую душу, и она снова отправилась на могилу матери.

Лань подошла, и девушка на немом языке сказала ей:

— Ну, матушка, я сделала всё, что ты мне велела, а Палунко так и не вернулся. Я устала ждать. Может, мне броситься в море или прыгнуть вниз со скалы?

— Доченька моя, — сказала Лань, — ты должна доверять мне. Твой Палунко в большой беде. Теперь выслушай и узнай, как ты можешь ему помочь. В Неведомом море живет большой окунь, и у этого окуня есть золотой плавник, а на плавнике растёт золотое яблоко. Если ты поймаешь этого окуня при свете луны, то избавишь своего дорогого Палунко от беды. Но по дороге к Неведомому морю тебе придётся миновать три облачные пещеры. В первой живёт чудовищная Змея, мать всех змей, — это она будоражит море и вздымает волны, во второй — Птица с железным клювом, мать всех птиц, — это она поднимает бурю, а в третьей — золотая Пчела, — это она сверкает и мечет молнии. Отправляйся, доченька, к Неведомому морю, не бери с собой ничего, кроме костяного крючка и двойной свирели, а если попадёшь в беду, оторви правый рукав, белый и неподшитый.

Дочь внимательно всё выслушала. На следующий день она взяла лодку и вышла в море, не взяв с собой ничего, кроме крючка и свирели.

Она отдалась на волю судьбы и плыла по морю, пока воды не вынесли её в далекий край, а там, на море, она увидела три ужасные пещеры из тёмных тяжёлых туч.

Из входа в первую пещеру выглядывала голова чудовищной Змеи, матери всех змей. Её жуткая голова закрывала весь проход, тело обвивало пещеру, а чудовищный хвост бил по морю, беспокоя воды и вздымая волны.

Девушка не решилась подойти к страшному месту, но вспомнила о свирели и стала играть на правой дудочке. И когда она заиграла, из далёких скалистых земель к морю приплыли змеи с детёнышами. Огромные разноцветные змеи и крошечные змейки — все они торопливо подползали, подпрыгивали и умоляли грозную Змею:

— Позволь, дорогая матушка, девушке проплыть на лодке через твою пещеру! Она совершила для нас множество добрых дел и кормила нас каждый день по утрам.

— Я не могу позволить ей проплыть через мою пещеру, — отвечала чудовищная Змея, — потому что сегодня я должна вздымать морские волны. Но если она оказала вам такую услугу, я отплачу ей другой. Что ей лучше — слиток золота или шесть ниток жемчуга?

Но верную жену нельзя соблазнить золотом или жемчугами, и поэтому она ответила немым языком:

— Я пришла сюда лишь по малому делу — за окунем, что живёт в Неведомом море. Если я оказала добрую услугу вашему потомству, позвольте мне проплыть через вашу пещеру, чудовищная Змея.

— Дай ей проплыть, матушка дорогая, — снова заговорили змеи и детёныши змей. — Здесь много тех, кого она накормила, много тех, кому она дала мясо. Ложись, матушка, и вздремни, а мы взбаламутим воды вместо тебя.

Змея не могла послушаться столь большой семьи, а спать она хотела уже тысячу лет. Поэтому она пропустила девушку в пещеру, а сама свернулась калачиком на полу и погрузилась в крепкий сон. Но прежде чем заснуть, она ещё раз напомнила змеям и детёнышам змей:

— А теперь, дорогие дети, хорошенько волнуйте воду, пока я немного посплю.

И вот жена проплыла через пещеру, а змеи и их детёныши остались там, но вместо того, чтобы волновать море, они утихомирили его и сделали спокойным.

Женщина поплыла дальше и добралась до второй пещеры. А во второй пещере жила Птица с железным клювом, мать всех птиц. Она просунула в проём страшную голову, широко разинула желез-

ный клюв, расправила в пещере огромные крылья и захлопала ими, и всякий раз, когда она хлопала крыльями, поднималась буря.

Женщина взяла двойную свирель и сладко заиграла на левой дудочке. И прилетели с дальнего берега чайки, большие и маленькие, и умоляли Птицу с железным клювом пропустить лодку с девушкой через свою пещеру, потому что она была им добрым другом и каждый день чесала для них пеньку.

— Я не могу позволить ей проплыть через мою пещеру, потому что сегодня я должна поднять сильную бурю. Но если она была так добра к вам, я отплачу ей ещё большей добротой. Из своего железного клюва я дам ей воду жизни, и тогда к ней вернётся дар речи.

Разве это не было тяжким искушением для бедной немой девушки, которая превыше всего желала, чтобы к ней вернулась человеческая речь? Но она осталась непоколебима и вот что ответила Птице на немом языке:

— Я пришла не ради себя, я пришла сюда лишь по малому делу — за окуном, что живёт в Неведомом море. Если я оказала добрую услугу вашему потомству, позвольте мне проплыть через вашу пещеру.

Затем все серые чайки стали умолять Птицу-мать; они посоветовали ей немного вздремнуть и уверяли, что тем временем сами поднимут бурю вместо неё. Птица-мать вняла мольбам своих детей, вцепилась в стену пещеры своими железными когтями и уснула.

А чайки, большие и маленькие, вместо того чтобы поднимать бурю, утихомирили дикие ветры и успокоили их.

И вот немая жена проплыла через вторую пещеру и попала в третью.

В третьей пещере она увидела Золотую Пчелу. Она жужжала у самого входа: от неё исходили огненные молнии и раскаты грома. Море и пещера гудели, молнии сверкали в чёрных тучах.

Страх охватил девушку, когда она оказалась наедине с этими ужасами. Но она вспомнила о своём правом рукаве, оторвала его, — рукав был белым и неподшитым, — перекинула его через Золотую Пчелу и поймала её!

Гром и молния разом стихли, а Золотая Пчела стала уговаривать жену:

— Освободи меня, о, госпожа! Взамен я покажу тебе кое-что. Посмотри на широкие воды, и ты увидишь радостное зрелище.

Море и пещера гудели, молнии сверкали в чёрных тучах.

Женщина посмотрела на широкие воды. Солнце стояло на горизонте. Небо над головой розовело, море с востока становилось пунцовым, а из моря появилась серебряная лодка. В лодке сидела Заря-девица, бледная и прекрасная, как королевская дочь, а рядом с ней — маленький ребёнок в шёлковой рубашке и с золотым яблоком в руке. Это была Заря-девица, которая везла маленького королевича на утреннюю прогулку по морю.

Девушка узнала своего потерянного сынишку.

Разве это не чудо-чудное, что море так широко, что мать не может его охватить, а солнце так высоко, что мать не может до него дотянуться?

Радость переполняла её, она дрожала, как стройная осина, и не знала, что делать. Протянуть ли ей руку к малышу? Позвать ли его ласково? Или просто стоять и смотреть на него бесконечно?

Серебристая лодка скользила по пунцовому морю. Вскоре лодка скрылась вдали: она погрузилась под волны, и девушка резко встала.

— Я покажу тебе, — сказала Золотая Пчела, — как добраться до маленького королевича, твоего сынишки, и жить с ним в радости и счастье. Но сначала освободи меня, чтобы я могла сверкать молниями в пещере, — и я не позволю тебе пройти через неё!

Яростная боль охватила бедную мать, захлестнула и потрясла её. Она видела любимого сынишку, перед её глазами стояло желание её сердца, она видела его, но не обняла и не поцеловала! От этой боли она содрогнулась с головы до пят. Быть ли ей верной Палунко или нет? Отпустить ли Золотую Пчелу и вернуться к своему чаду или проплыть через пещеру в Неведомое море ради большого окуня?

Когда боль пронзила девушку, слезы хлынули из её души, и к ней вернулся дар речи. Тогда она ответила Золотой Пчеле живыми словами:

— Не жаль меня, о, Золотая Пчела! Я не отпущу тебя, потому что должна пройти через твою пещеру. Я оплакивала своё дитя и похоронила его в своём сердце. Я пришла сюда не за своим счастьем, а по малому делу — ради большого окуня, что живёт в Неведомом море.

Так она сказала и вплыла в пещеру. В пещере она решила отдохнуть, устроилась в лодке и стала ждать наступления ночи и восхода луны.

О, Боже мой, какое в тот день было невероятно тихое море, ветры в небе улеглись, и страшная Змея спала в первой пещере, чудовищная Птица — во второй, а усталая женщина — в третьей!

Так незаметно прошёл день, наступила ночь и взошла луна. В полночь, когда луна поднялась высоко в небо, девушка выплыла в Неведомое море и посреди моря закинула свой маленький костяной крючок.

III

В тот же вечер маленький королевич велел Палунко изготовить ему красивые шёлковые поводья.

— Завтра утром первым делом я запрягу тебя в свою маленькую повозку, и ты будешь катать меня по золотым пескам.

«Боже мой, — подумал бедняга Палунко, — и где же мне спрятаться от Заря-девицы, когда она утром спустится в море и увидит меня запряжённым в повозку собственным сыном?»

Все придворные Морского Короля спали. Спал и сам Морской Король. Спал и своенравный маленький королевич — только Палунко бодрствовал и усердно делал поводи́я. Когда ему показалось, что поводи́я достаточно прочны, Палунко сказал про себя:

«Я ни у кого не спрашивал никакого совета, когда выставлял себя дурачком, и не стану делать этого теперь, когда одумался».

С этими словами он тихо подошёл к колыбели, где крепко спал его сынишка, привязал её к спине и пустился бежать вон из дворца.

Мягко ступал Палунко по золотому песку, тихо пробирался через огромный зал, просторный, как широкий луг, ловко скользил сквозь золотую изгородь, раздвигая ветви-жемчужины, а когда пришёл туда, где море вставало стеной, не испугался и нырнул в воду вместе с сынишкой за спиной.

Но далеко, ужасно далеко от чертогов Морского Короля до дневного мира! Палунко плыл и плыл, но как бедному рыбаку быстро плыть, когда к спине его привязан маленький королевич, а с ним золотая колыбель, золотое яблоко и всё остальное?

Палунко казалось, что море вздымается над ним всё выше и выше, и ему становилось всё тяжелее и тяжелее!

Как раз в тот момент, когда Палунко уже задыхался, он почувствовал, как что-то заскребло по золотой колыбели, что-то зацепилось за неё, а когда зацепилось, то принялось стремительно тащить их за собой!

— Ну вот и всё! — сказал сам себе бедный Палунко. — Морское чудовище уносит меня на своём бивне.

Но это был не бивень морского чудовища, а костяной рыболовный крючок, тот самый, который забросила жена Палунко.

Когда женщина почувствовала, что на крючок попалась рыба, она с радостью собрала все свои силы и стала тянуть со всем усердием, боясь упустить большого окуня.

Когда она вытаскивала улов, над водой показалась золотая колыбель. Женщина не могла различить её при лунном свете и подумала: «Это золотой плавник окуня».

Следом появился ребенок с золотым яблоком. И снова она подумала: «Это золотое яблоко на плавнике рыбы». И когда наконец показалась голова Палунко, жена радостно воскликнула: «А вот и голова большого окуня!»

И, вскрикнув от радости, она потащила улов в лодку, и когда она подтащила его вплотную к борту — о, Боже мой, как я могу передать вам, как обрадовались эти трое, когда они снова встретились при свете луны посреди Неведомого моря?

Однако они не должны были терять времени. Им ещё предстояло проплыть через три пещеры, прежде чем проснутся чудовищные стражи. Поэтому они взяли за вёсла и стали грести изо всех сил.

Но, о, ужас, как им не везло! Когда маленький королевич проснулся и увидел свою матушку, он сразу же вспомнил о ней. Он обхватил её за шею обеими маленькими ручками, и золотое яблоко выпало у него из ладошек. Яблоко упало в море, на самое дно, в покои Морского Короля, и ударило его прямо в плечо!

Морской Король проснулся и взревел от ярости. Все придворные вскочили на ноги. Они сразу же увидели, что маленький королевич и его слуга пропали!

И они бросились в погоню. Русалки выплыли под лунный свет, пенные феи разлетелись по воде, гонцы были посланы разбудить стражей в пещерах.

Но лодка уже миновала пещеры, и им пришлось преследовать её дальше. Палунко и жена его гребли изо всех сил, а преследователи не отставали. Русалки вздымали воды, проворные пенные феи мчались за лодкой, сердитые волны неслись за ними, ветер завывал из облаков. Всё быстрее и быстрее приближалась погоня. Даже у самого лучшего корабля на свете не было бы ни единого шанса, а что уж говорить о крошечной лодке с двумя веслами? Час за часом летела лодка сквозь бурю, и вот, когда наступил рассвет, вокруг лодки со всех сторон образовался страшный хаос.

Буря била по лодке, волны с гребнями вздымались над ней, русалки сомкнулись вокруг неё в кольцо. Кольцо поднималось и раскачивалось вокруг лодки — русалки высоко воздевали свои сцепленные руки, чтобы пропустить огромные волны, но так и не позволили вырваться из волн маленькому судёнышку. Море и шторм свистели и ревели.

Страх смерти охватил Палунко, и в страшном волнении он воскликнул:

— О, прекрасная Заря-девица, помоги нам!

Заря-девица вышла из моря. Она увидела Палунко, но не взглянула на него. Она посмотрела на маленького королевича, но у неё

не было для него подарка. Зато верной жене она быстро вручила свой дар, — парчовый платок и булавку.

Жена спешно взяла платок, и он превратился в белый парус, а булавка превратилась в руль. Ветер наполнил парус так, что он раздулся, как спелое яблоко, и девушка сильной рукой ухватила за руль. Кольцо русалок вокруг лодки разорвалось, и лодка поплыла по лазурному морю, как звезда по голубым небесам. Чудо-чудное, она летела по морю далеко впереди своих грозных преследователей, — чем яростнее была погоня, тем быстрее она неслась.

Вот уже вдали виднелся скалистый берег, а на берегу — маленький домик Палунко и полоска белого песка перед ним.

Как только показалась земля, погоня прекратилась. Пенные феи боятся берега, русалки тоже держатся от него подальше. Ветер и волны остались в открытом море, и только лодка летела прямо к суше, как ребёнок к материнским коленям.

Лодка пролетела над белой песчаной полосой, ударилась о скалу и раскололась. Утонул парус и руль, исчезла в море золотая колыбель, улетела Золотая Пчела, а Палунко с женой и сынишкой остались одни на берегу возле своего домика.

Когда в тот вечер они сели ужинать диким шпинатом, то начисто забыли обо всём, что произошло. И если бы не двойные свирели, ни одна душа не вспомнила бы об этом сейчас. Но кто бы ни принимался играть на этих свирелях, правая тут же начинала дудеть про Палунко:

Простачок Палунко отправился
Туда, где растут жемчуг и кораллы,
Но там он нашёл лишь горе и печаль!

А затем левая напоминала о жене:

Восстань, о, Заря, в красоте!
Яви новорождённое счастье,
Если бы трижды случилась с ним беда.
Вера и Любовь спасли бы его!

И эти песни — послание свирелей всему белому свету.

Пероу

I

Однажды прекрасной летней ночью некие парни пасли лошадей на лугу. И вот они смотрели, смотрели на них, а потом уснули. Пока они спали, из облаков вылетели феи, чтобы порезвиться с лошадьми, как это у них принято. Каждая фея ловила лошадь, садилась на неё, а потом хлестала её длинными золотыми волосами, гоняя круг за кругом по росистому лугу.

Среди фей была одна по имени Косенка¹, совсем юная и крошечная, этой ночью впервые спустившаяся на землю с облаков.

Косенке казалось, что это чудесно — скакать в ночи, как вихрь. Так случилось, что ей попался самый резвый конь среди всех — он был вороной, небольшой, но такой же неукротимый, как огонь. Вороной конь скакал по кругу вместе с другими лошадьми, самый проворный из них, и вскоре весь был в пене.

Косенке же хотелось скакать ещё быстрее. Она наклонилась и ущипнула вороного коня за правое ухо. Конь взвился на дыбы, заржал, а потом рванул вперёд, оставив позади остальных лошадей

---

¹ Имя *Косенка* происходит от *kos* (волосы) и указывает на ниспадающие локоны маленькой феи; его можно перевести как Кудряшка.

*Когда Косенка завернула за угол самой большой стены,
она увидела, что у её основания спит огромный человек,
больше самого большого дуба в самом большом лесу.*

и луг, и вместе с Косенкой унёсся, как ветер, в широкий-преширокий мир.

Такая стремительная скачка привела Косенку в восторг. Вороной конь нёсся ветром по полям и рекам, по лугам и горам, по долам и холмам. «Боже правый! Как много всего на свете!» — думала Косенка, с восхищением разглядывая эти красоты. Но больше всего ей пришлось по нраву земля, где были горы, сплошь покрытые великолепными лесами, а у подножия гор — два золотых поля, как два больших золототканых платка, а посреди них — две белые деревни, как два белых голубя, а чуть дальше — огромная водная гладь.

Но конь не останавливался ни там, ни сям, а мчался и мчался, словно одержимый.

Так он уносил Косенку всё дальше и дальше, пока наконец они не прискакали на большую равнину, где дул холодный ветер. Вороной конь поскакал по равнине, а там только жёлтый песок — ни деревьев, ни травы, и чем дальше они углублялись в эту великую пустошь, тем холоднее становилось. Но как велика эта равнина, я не могу вам сказать, по той веской причине, что не родился ещё человек, который мог бы её пересечь.

Конь с Косенкой скакали семь дней и семь ночей. На седьмой день, перед самым восходом солнца, они достигли центра равнины, а там — разрушенных стен необъятного города Легена¹, где всегда царил лютый холод.

Когда конь приблизился к древним воротам Легена, Косенка набросила на стену свою волшебную вуаль и уцепилась за неё. Конь усккал из-под неё, и так до самой старости скакал между огромными стенами Легена, пока наконец не нашёл северные ворота и не вырвался на равнину — и Бог знает куда убежал!

А Косенка спустилась со стены и стала гулять по городу, и было ей холодно, ох, как холодно! Свою волшебную вуаль, без которой она не могла летать среди облаков, она намотала на плечи, потому что очень берегла её. И вот Косенка шла и шла по городу Легену, и всё время ей казалось, что в этом городе, таком чудесном и великом, она должна наткнуться на что-нибудь удивитель-

---

¹ *Леген* — чудесный древний город, который упоминается в хорватских народных песнях и традициях. Означает «замороженный», «ледяной».

ное. Однако она не видела ничего, кроме огромных разрушенных стен, и не слышала ничего, кроме звуков то и дело трескавшегося от холода камня.

Наконец, когда Косенка завернула за угол самой большой стены, она увидела, что у её основания спит огромный человек, больше самого большого дуба в самом большом лесу. Он был одет в невообразимых размеров плащ из грубого льна, а ремень, которым он подпоясывался, был длиной в пять сажений. Голова его была гигантской, как самая большая бочка, а борода — как большущий сноп пшеницы. Он был так велик, что можно было подумать, будто рядом со стеной упала церковная колокольня.

Звали этого великана Регоч¹, и жил он в городе Легене. Всё, что он делал, — это считал камни в городе. Он никогда бы не закончил их считать, если бы не его огромная, как бочка, голова. Но он считал и считал — считал больше тысячи лет и уже успел обсчитать тридцать стен и пять ворот города.

Когда Косенка заметила Регоча, она всплеснула руками и немало удивилась. Она ни за что бы не подумала, что в мире можно встретить такое огромное существо.

Тогда Косенка присела у уха Регоча (а его ухо было такой же величины, как она сама) и обратилась к нему:

— Тебе не холодно, дядюшка?

Регоч проснулся, засмеялся и посмотрел на Косенку.

— Холодно? Разумеется, мне холодно, — ответил Регоч, и голос его был столь же глубокий, как далёкий гром.

Большой нос Регоча был весь красный от холода, а волосы и борода покрылись инеем.

— Боже мой! Ты такой большой и до сих не построил себе хижину, чтобы уберечься от холода? — сказала Косенка.

— А зачем она мне? — ответил Регоч и снова рассмеялся. — Скоро выглянет солнышко.

Регоч приподнялся и сел. Правой рукой он хлопал себя по левому плечу, а левой — по правому, чтобы стряхнуть иней. Иней падал с каждого плеча, словно снег, сползающий с крыши.

---

¹ *Регоч* — огромный сказочный простодушный великан. Он упоминается поэтом Георгием из Дубровника.

— Осторожнее! Осторожнее, дядюшка! Ты меня задавишь! — закричала Косенка, но Регоч едва слышал её, потому что от неё до его уха было очень далеко — таким он был большим.

Поэтому Регоч посадил Косенку к себе на плечо, назвал ей свое имя и занятие, а она рассказала ему, как сюда попала.

— А вот и солнышко, — сказал Регоч и указал Косенке на него пальцем.

Косенка посмотрела и увидела восходящее солнце, но такое бледное и слабое, словно ему некого было согревать.

— Ну и глупый же ты, Регоч! — сказала Косенка. — Совсем глупый, если живёшь здесь и всю жизнь считаешь эти бесконечные камни Легена. Пойдём, Регоч, со мной — посмотрим, как прекрасен мир, и найдём тебе более разумное занятие.

Регочу и в голову не приходило желать для себя более прекрасного дома, чем город Леген, и он никогда не предполагал, что в мире может быть занятие лучше его. Регоч всегда думал: «Я создан для того, чтобы пересчитать камни Легена», — и никогда не желал для себя ничего иного.

Однако Косенка не давала ему покоя, а уговаривала отправиться вместе с ней посмотреть мир.

— Я отведу тебя в чудесную страну, — говорила она, — где есть древний великолепный лес, а рядом с лесом — два золотых поля.

Косенка долго рассказывала о тех местах. Старому Регочу не с кем было посоветоваться, и он не устоял перед уговорами.

— Ну что ж, пошли! — сказал он.

Косенка осталась очень довольной.

Однако теперь им нужно было что-то придумать, чтобы Регоч мог нести Косенку, потому что у него самого ничего не было.

Тогда Косенка достала из-за пазухи маленький мешочек с жемчужинами. Их дала Косенке её матушка, прежде чем позволила спуститься на землю, и сказала ей: «Если тебе что-нибудь понадобится, просто брось жемчужину, и она превратится во всё, что ты пожелаешь. Будь очень осторожна с этими жемчужинами, потому что в мире так много вещей, которых с каждым днём ты будешь хотеть всё больше и больше».

Косенка достала крошечную жемчужину, бросила её на землю, и вот на их глазах появилась маленькая корзинка, такая же большая,

как Косенка, а к корзинке была приделана петелька, как раз такая, чтобы её можно было прикрепить на ухо Регоча.

Косенка прыгнула в корзину, а Регоч поднял её и повесил себе на ухо, как серьгу.

Всякий раз, когда Регоч смеялся, когда он чихал или качал головой, Косенка раскачивалась, как на качелях, — и ей казалось, что это лучший способ путешествовать.

И вот Регоч отправился в путь и уже прошёл десять шагов, как Косенка остановила его и сказала:

— А не спуститься ли нам под землю, дорогой Регоч, чтобы я могла посмотреть, что же там есть под землёй?

— Почему бы и нет? — ответил Регоч, ведь он мог запросто проникать под землю, вот только ему никогда не приходило в голову посмотреть, что там под землёй находится.

Косенке хотелось знать всё обо всём, и поэтому они решили путешествовать под землёй, пока не окажутся под лесом у золотых полей, а там уже выбраться наружу.

Когда они это решили, Регоч начал топать ногой. Он поднял свою огромную ногу и так топнул ею в первый раз, что весь великий город Леген задрожал, и многие стены рухнули. Регоч поднял ногу во второй раз и снова топнул, и вся равнина затряслась. Регоч поднял ногу в третий раз, и вот полмира задрожало, твердь земная разверзлась под ним, и Регоч с Косенкой провалились в дыру под землю.

Когда они оказались там, то обнаружили, что земля со всех сторон испещрена множеством опор и проходов, и только небеса знали, куда все они ведут. Они слышали шум воды и стоны ветров.

Они пошли по одному из проходов, и некоторое время им было светло от дыры в земле, через которую они провалились. Но по мере того, как они продвигались всё дальше и дальше, становилось всё темнее и темнее — и вскоре их окутала чёрная тьма, какой не бывает нигде, кроме как в недрах земли.

Регоч спокойно шагал в темноте. Своими огромными руками он нащупывал путь от опоры к опоре. Но Косенка была напугана непроглядной тьмой. Она прижалась к уху великана и прокричала:

— Здесь очень темно, Регоч, дорогой!

— Почему бы и нет? — ответил Регоч. — Ведь не тьма пришла к нам, а мы пришли к ней.

И тут Косенка рассердилась, потому что Регоч никогда не возражал, а она ожидала от такого огромного человека великих свершений.

— Если бы не мои жемчужины, я бы с тобой здорово повздорила, — сердито сказала Косенка.

Затем она бросила одну жемчужину, и в её руке появился крошечный фонарь, яркий, будто золотом сияющий. Темнота снова погрузилась в землю, и свет далеко разливался по подземным переходам.

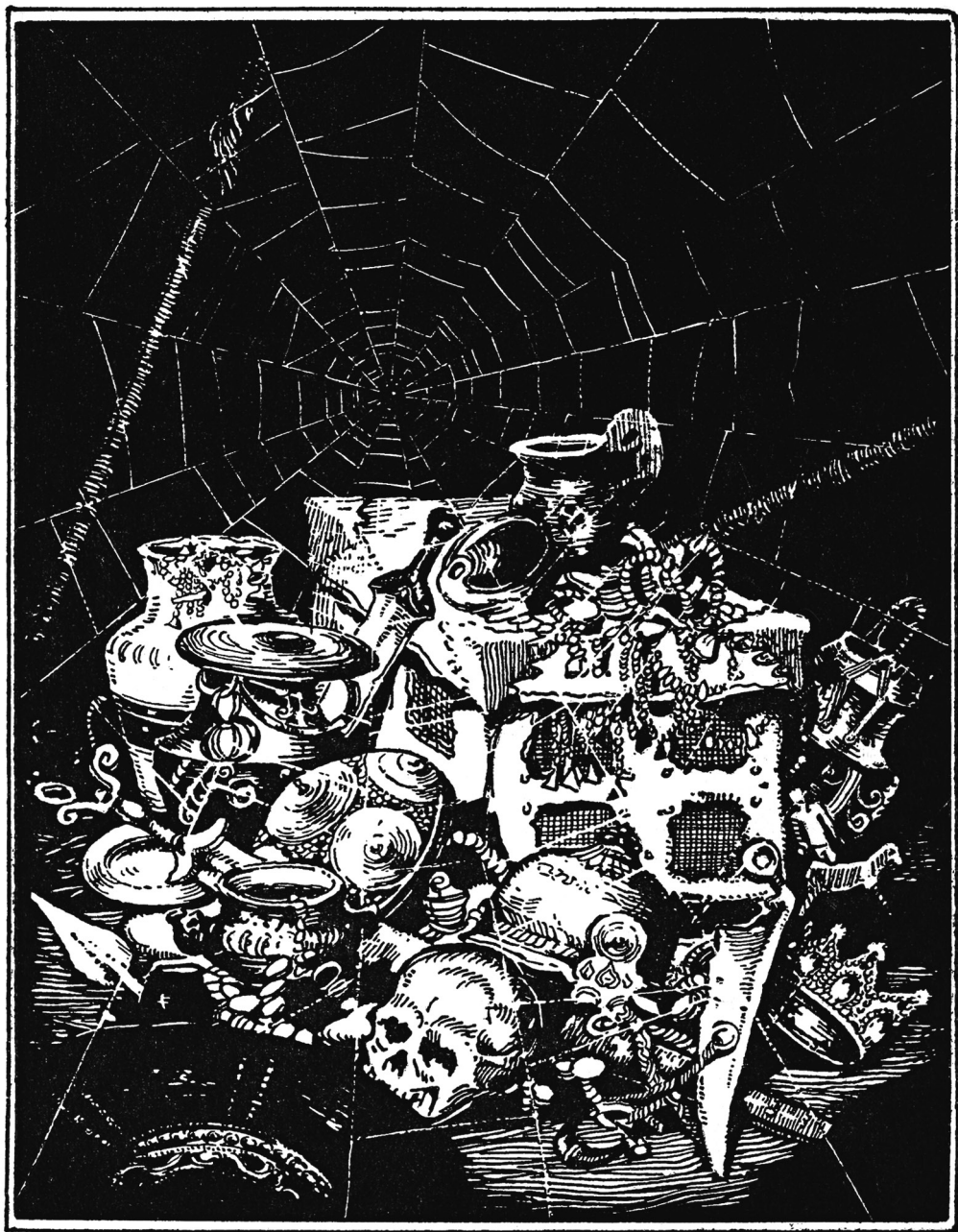
Косенка была в восторге от фонаря, потому что он являл все чудеса, которые в давние времена были поглощены землей. В одном месте она увидела величественные замки, двери и окна которых были отделаны золотом и обрамлены красным мрамором. В другом месте было оружие воинов — тонкоствольные мушкеты и тяжелые ятаганы, усыпанные самоцветами и драгоценными камнями. В третьем месте она увидела давно зарытые сокровища: золотые блюда и серебряные кубки, полные золотых дукатов, и саму корону императора из трижды очищенного золота. Все эти сокровища были поглощены по воле Божьей, и это Божья тайна, почему столько сокровищ должно лежать там нетронутыми.

Косенка была совершенно ошеломлена всеми этими чудесами, и вместо того чтобы идти прямо по проходу, она попросила Регоча опустить её на землю, чтобы она могла немного поиграть, полюбоваться всеми этими диковинными вещами и поглазеть на чудеса Божьей тайны.

Регоч опустил Косенку на землю, а она взяла свой маленький фонарь и побежала к замкам, к оружию и к сокровищницам. А чтобы во время забав не потерять свой маленький мешочек с жемчужинами, она оставила его возле одной опоры.

Что касается Регоча, то он присел отдохнуть неподалёку.

Косенка стала забавляться с сокровищами — она рассматривала красивые вещицы и рылась в них. Своими маленькими ручками она рассыпала золотые дукаты, любовалась кубками, чеканными по серебру, и наконец надела на голову корону из трижды очищенного золота. Она резвилась, вертелась во все стороны, восхищалась и вдруг заметила маленький тоненький посох из слоновой кости, прислонённый к огромной опоре.

*Косенка стала забавляться с сокровищами —
она рассматривала красивые вещицы и рылась в них.
Своими маленькими ручками она рассыпала золотые дукаты,
любовалась кубками, чеканными по серебру...*

Именно этот тоненький посох не давал опоре рухнуть, потому что она была уже полностью разрушена водой. Бог спустил посох с небес, и прислонился он под землёй к опоре, чтобы поддерживать её.

Косенка задумалась: «Почему этот тоненький посох стоит там?» Она подошла и подняла его, чтобы лучше разглядеть.

Но не успела Косенка взять посох и осмотреть его, как подземные проходы наполнились страшным грохотом. Огромная опора задрожала, покачнулась и рухнула вниз с целой толщей обвалившейся земли, преградив путь между Регочем и Косенкой. Они не могли ни видеть, ни слышать один другого, ни дотянуться друг до друга.

Бедная маленькая фея Косенка оказалась заперта в недрах земли! Она была заживо погребена в этой огромной могиле, и, возможно, ей было не суждено увидеть те золотые поля, к которым они направлялись, а всё потому что она не пошла прямо по намеченному пути, а стала бродить и сворачивать то вправо, то влево, желая выведать Божьи тайны!

Косенка плакала, рыдала и пыталась добраться до Регоча. Но она быстро убедилась, что прохода нет, и положение её безнадежно, а мешочек с жемчужинами, который мог бы ей помочь, оказался погребённым под обвалом.

Когда Косенка поняла это, она перестала плакать, потому что была гордой, и подумала: «Помощи ждать неоткуда, и я неизбежно погибну. Регоч не придёт мне на помощь, потому что его разум слишком медлителен даже для того, чтобы помочь себе, не говоря уже о том, чтобы заставить его вспомнить о помощи мне. Тут ничего не поделаешь — придётся мне здесь умереть».

И Косенка приготовилась к смерти. Но ей хотелось, чтобы люди, если вдруг найдут её в могиле, подумали, что она королевских кровей. Поэтому она водрузила на голову корону из трижды очищенного золота, взяла в руки посох из слоновой кости и легла умирать. Рядом с Косенкой не было ничего, кроме маленького фонаря, горевшего так, словно он был подсвечен сиянием золота, и по мере того, как Косенка остывала и окоченевала, фонарь тоже горел всё слабее и слабее.

Регоч действительно был старым глупцом. Когда опора рухнула и между ним и Косенкой произошёл большой обвал, он не шелох-

нулся, а так и сидел в темноте. Так он просидел довольно долго, прежде чем ему пришло в голову пойти и разобраться, что же случилось.

Он на ощупь добрался в темноте до того места, где только что была Косенка, пошарил вокруг и понял, что потолок обвалился и что проход перекрыт. «Эх, а ведь этот путь сейчас завален», — подумал Регоч.

И ничего другого он не придумал, кроме как повернуться, оставить за спиной обвалившуюся землю и Косенку и пойти обратно той дорогой, по которой они пришли из города Легена.

И пошёл старый Регоч обратно опора за опорой. Он прошёл уже изрядное расстояние, но всё время его что-то тревожило. Регоч сам не мог понять, что именно его беспокоит.

Он поправил ремень на талии — возможно, он был слишком туго затянут, потом потянулся — возможно, рука затекла. Но его беспокоило что-то иное — ни то, ни другое, ни третье. Регоч гадал, что бы это могло быть. Он стал размышлять, и думая об этом, покачал головой.

И когда Регоч покачал головой, маленькая корзинка заколыхалась у него в ухе. Тут великан почувствовал, насколько легка корзинка и что внутри нет Косенки, и горькая боль пронзила его сердце и грудь — каким бы простаком он ни был, он понял, что горюет, потому что скучает по Косенке, и тут же решил спасти её.

Регочу стоило большого труда всё это продумать, но как только он это осознал, он развернулся и, как ветер, полетел туда, где произошёл обвал, чтобы найти Косенку. Он помчался туда и успел как раз вовремя. Регоч разрыл землю обеими руками и через некоторое время проделал большую дыру, так что увидел лежащую там Косенку с короной из чистого золота на голове. Она стала холодной и окоченевшей, а рядом с ней лежал её маленький фонарь, сияние которого было слабым, словно это был светлячок.

Если бы Регоч закричал от горя, земля бы содрогнулась, а маленький фонарь погас бы совсем — угас бы огонёк светлячка рядом с Косенкой.

Но горло Регоча сжалось от боли, и он не мог закричать. Он протянул свою огромную руку, осторожно взял бедную Косенку, которая уже совсем задубела, и начал греть её между ладонями своих

огромных рук, как согревают зимой замёрзшую птицу. И вот чудо! Через некоторое время Косенка пошевелила своей маленькой головкой, и фонарь сразу же загорелся чуть ярче, потом Косенка пошевелила рукой, и фонарь загорелся ещё ярче. Наконец она открыла глаза, и фонарь засветил так ярко, словно его пламя было из чистого золота!

Косенка вскочила на ноги, вцепилась в бороду Регоча, и оба они заплакали от счастья. Слезы великана были большими, как груши, а слезы феи — маленькими, как просяное семя, но, если не считать размера, они были одного рода. И с того момента они безмерно полюбили друг друга.

Когда они выплакались, Косенка нашла свои жемчужины, и они продолжили путь. Но больше они не трогали ничего из того, что видели под землей: ни затонувшие корабли с сокровищами, которые спустились со дна моря, ни красные кораллы, ни жёлтый янтарь, обвивавший подземные опоры. Они ни к чему не прикасались, а шли прямо по проходу, который должен был привести их к золотым полям.

Так продолжалось довольно долгое время, и вот Косенка попросила Регоча поднять её на руки, а когда он это сделал, она взяла горсть земли с его головы.

Она внимательно посмотрела на свою руку и там, среди земли, нашла листья и корешки.

— Вот мы и пришли, дядюшка, в лес рядом с золотыми полями, — сказала Косенка. — Давай скорее выбираться наружу.

Регоч вытянулся и начал проламывать землю своей головой.

II

В самом деле, они находились под лесом, прямо под лесной поляной между двумя деревьями и двумя уездами. Никто не приходил на эту поляну, кроме мальчиков-пастухов и девочек-пастушек из обеих деревень и обоих уездов.

В то время между двумя деревьями шла ожесточённая распря — распря из-за молотилок, и пастбищ, и мельниц, и лесопилок, а больше всего из-за места старосты, на которое одна из деревень давно

претендовала как на принадлежащее ей по праву, а другая не хотела от него отказываться. Вот и поссорились эти деревни между собой.

Но пастухи и пастушки обеих деревень были простыми подростками, которые ничего не понимали в спорах старших и не заботились о них, а встречались каждый день на границе между двумя деревнями и двумя уездами. Их стада смешивались и паслись вместе, а ребятишки играли в игры, и из-за них они часто задерживались в поле.

За это бедных мальчишек и девчонок в обеих деревнях хорошенько секли и ругали. Но в одной из деревень жили прадедушка и прабабушка, которые помнили всё, что когда-либо происходило в обеих деревнях, и они говорили:

— Оставьте детей в покое. От этих детских игр урожай будет лучше, чем от ваших трудов на полях пшеницы.

И пастухи, и пастушки по-прежнему приходили с овцами и ягнятами на поляну, и со временем родители перестали беспокоиться о том, что делают дети.

Так случилось и в тот день, когда Регоч проломил землю на том самом месте. Мальчики и девочки как раз собирались домой под самым большим дубом. Один мальчик завязывал шнурки, другой крепил верёвку к палке, а девочки сзывали овец и ягнят. Вдруг они услышали страшный стук в земле прямо под ногами! Раздался один удар, потом второй, а на третьем земля разверзлась, и прямо перед ними появилась страшная голова величиной с бочку, с бородой, похожей на большущий сноп пшеницы, и эта борода всё ещё была припорошена инеем из города Легена!

Мальчики и девочки вскрикнули от страха и упали в глубокий обморок, — не столько из-за головы величиной с бочку, сколько из-за бороды, которая была похожа на большущий сноп пшеницы!

И вот все пастухи и пастушки упали в обморок, кроме юного Лиле, который был самым красивым и умным среди юношей обеих деревень и обоих уездов.

— Не бойтесь, друзья, — успокоил их Лиле. — Господь не сотворил этого чудовищного великана во зло, иначе он бы уже убил полмира.

Лиле смело подошел к Регочу, а тот снял с уха корзинку с Косенкой и поставил её на землю.

— Друзья мои, идёте, идёте скорее сюда! — закричал Лиле. — С великаном девочка, маленькая и прекрасная, как звезда!

Пастухи и пастушки встали и начали поглядывать на Косенку из-за спин друг друга, и те, кто поначалу больше всех испугался, теперь первыми подбегали к ней, потому что, видите ли, они всегда и во всём были самыми быстрыми.

Как только они увидели милую маленькую Косенку, они сразу же полюбили её. Они помогли ей вылезти из корзинки, отвели её на самую прекрасную лужайку и стали любоваться её чудесным платьицем, легким, как паутинка, и голубыми, как небо, волосами, блестящими и мягкими, как утренний свет, но больше всего они любовались её сказочной вуалью, потому что она взмахивала ею всего на мгновение, а потом взлетала с травы и долго парила в воздухе.

Маленькие ручки и ножки Косенки искрились от радости, глаза светились от смеха, а губы подрагивали, потому что она нашла товарищей, которым нравилось то же, что и ей.

Затем Косенка достала маленький мешочек с жемчужинами, чтобы вручить подарки и порадовать своих новых друзей. Она бросила жемчужину, и среди них выросло маленькое дерево, украшенное цветными лентами, шёлковыми платками и красными ожерельями для девочек. Бросила она вторую жемчужину, и со всех концов леса выскочили надменные павианы — они гарцевали, вышагивали и взлетали, рассыпая свои великолепные перья по всей поляне, так что трава прямо-таки сверкала ими, а пастухи воткнули перья в свои фуражки. Ещё одну жемчужину бросила Косенка, и с высокой ветки упали золотые качели с шёлковыми верёвками, — когда мальчики и девочки садились на качели, они взлетали и опускались легко, как ласточка, и плавно, как большая баржа Венецианского дожа.

Дети кричали от радости, а Косенка выбрасывала одну за другой жемчужины из мешочка, не думая о том, что их нужно беречь, потому что она не любила ничего на свете больше, чем милые игры и красивые песенки. И так она потратила все жемчужины до последней, хотя одному лишь небу было известно, как скоро они понадобятся и ей, и её новым друзьям.

— Я больше никогда вас не оставляю! — весело воскликнула Косенка.

А мальчишки и девочки захлопали в ладоши и радостно закивали.

Один только Лиле не принимал участия в этих играх, потому что в тот день был очень грустным и озабоченным. Он остался рядом с Регочем и оттуда наблюдал за Косенкой во всей её красе и за всем тем волшебством, что она творила.

Тем временем Регоч вылез из дыры. Он встал среди деревьев, и когда он стоял среди них, его голова возвышалась над столетним лесом, так ужасно велик был Регоч.

Регоч был выше самых высоких деревьев, и он свободно осмотрел равнину.

Солнце уже село, и небо стало багровым. На равнине виднелись два золотых поля, раскинувшихся, как два золотых платка, а посреди полей — две деревни, похожие на двух белых голубей. Немного дальше этих двух деревень протекала могучая река Зловодка, а вдоль всей реки высились большие, поросшие травой дамбы, и на них виднелись стада и их сторожа.

— Ну и ну! — сказал Регоч. — Подумать только, что я провёл тысячу лет в городе Легене, в этой ледяной пустыне, когда в мире столько красоты!

Ему понравилось смотреть на равнину, и он смотрел долго-долго, поворачивая справа налево свою огромную, как бочка, голову, словно гигантское пугало, стоящее над верхушками деревьев.

Вскоре Лиле окликнул его:

— Сядь, дядюшка, я боюсь, что старейшины деревень увидят тебя.

Регоч сел, они разговорились, и Лиле рассказал великану, почему он такой грустный в этот день.

— Сегодня произойдет очень страшное злодеяние, — сказал Лиле. — Вчера вечером я подслушал разговор старейшин нашей деревни, и вот что они сказали: «Давайте пробьём дыру в дамбе вдоль реки Зловодки. Река расширит брешь, дамба рухнет, и вода затопит вражескую деревню. Она утопит мужчин и женщин, затопит кладбище и поля, и не останется ничего, кроме озера, показывающего, где была вражеская деревня. Но наши поля выше, и деревня стоит на возвышенности, поэтому нам не грозит никакой беды». И они в самом деле отправились с большим тараном, чтобы пробить дамбу тайно и в тёмное время суток. Но, дядюшка, я знаю, что наши

поля не так уж высоки, и я знаю, что вода зальёт и их, и до конца ночи на месте двух наших деревень будет одно большое озеро. Вот почему мне так грустно.

Они ещё разговаривали, когда с равнины донёлся оглушительный шум и грохот.

— Вот, слышите! — воскликнул Лиле. — Случилось страшное!

Регоч поднялся на ноги, подхватил Лиле, и они вдвоём посмотрели на равнину. Зрелище было печальным! Дамба рухнула, и могучая Зловодка двумя рукавами катилась по прекрасным полям. Один рукав катился к одной деревне, а второй — к другой. Животные тонули, золотые поля исчезали под потопом. Над могилами поплыли кресты, и обе деревни огласились плачем и криками. В обеих деревнях старейшины вышли на гумно с цимбалами, барабанами и свирелями, и там они били в барабаны и трубили, каждый назло другой деревне, обезумев от злобы, а над всем этим грохотом истошно выли деревенские собаки, плакали и причитали женщины и дети.

— Дядюшка, — воскликнул Лиле, — почему бы тебе не остановить воду своими руками?

Мальчики и девочки, испуганные и обескураженные страшным шумом на равнине, столпились вокруг Регоча и Лиле.

Когда Косенка услышала, в чём дело, она быстро и резво, как и подобает маленькой фее, выкрикнула:

— Ну же, Регоч, давай, останови воду!

— Да, да, давай, останови воду! — закричали мальчишки и девчонки обеих деревень и обоих уездов, не переставая рыдать и всхлипывать. — Давай, действуй, Регоч, и нас с собой возьми!

Регоч наклонился, подхватил Лиле и Косенку (которая всё ещё несла с собой фонарь) в правую руку, всех остальных мальчиков и девочек — в левую, а затем помчался десятиметровыми шагами через лесную поляну вниз, на равнину. За ним бежали овцы и ягнята, блея от ужаса. Так они добрались до равнины.

В сумерках сквозь туман бежал Регоч с детьми на руках, а за ним по пятам неслись перепуганные стада — все бежали к дамбе. Навстречу им текла Зловодка, убивая и топя людей. Жутко сильная была эта река. Сильнее, чем Регоч? Кто знает? Сметёт ли она и Регоча? Утопит ли она и тех бедных мальчиков и девочек, и не погибнет ли дорогая маленькая фея Косенка, прекрасная, как звезда?

И вот Регоч перебежал через луг, который был ещё сухим, и, задыхаясь, добрался до дамбы, где была большая пробоина, через которую с ужасающей силой вытекала река.

— Останови её, Регоч, останови! — завопили мальчики и девочки.

Недалеко от дамбы на равнине был небольшой холм.

— Посади нас на тот холм, — живо крикнула Косенка.

Регоч опустил Лиле, Косенку, мальчиков и девочек на холм, а овцы и ягнята столпились вокруг них. К тому времени холм уже превратился в остров посреди вод.

Великан сделал один большой шаг в воду, а затем лег лицом к дамбе, заделав брешь своей огромной грудью. На некоторое время вода перестала течь, но она была так сильна, что ничто на свете не могло её остановить. Вода давила вперед, обтекала плечи Регоча, прорывалась под ним, над ним, вокруг него, — повсюду, — и снова катилась по равнине. Регоч вытянул обе руки и набирал землю в огромные горсти, — но как только он набирал полные горсти земли, вода уносила её прочь.

А на равнине вода поднималась всё выше и выше; поля, деревни, скот, молотилки — ничего уже не было видно. В обеих деревнях над водой возвышались только крыши и шпили церквей.

Даже вокруг холма, где стояли мальчики и девочки с Лиле и Косенкой, уровень воды поднимался всё выше и выше. Бедняжки горевали и плакали: одни — о матерях, другие — о братьях и сёстрах, третьи — о своих домах и садах, ведь они видели, что обе деревни погибли, и ни одна душа не спаслась, — а вода вокруг них продолжала подниматься!

И вот им пришлось забираться всё выше и выше по холму. Они сгрудились вокруг Лиле и Косенки, которые стояли бок о бок посреди своих друзей.

Лиле застыл на месте и побелел, словно мрамор, но глаза Косенки сияли, и она подняла фонарь в сторону Регоча, чтобы осветить ему место работы. Вуаль Косенки поднялась и затрепетала на ночном ветру; она повисла над водой, как будто маленькая фея собиралась улететь и исчезнуть среди всех этих ужасов.

— Косенка! Косенка! Не улетай! Не оставляй нас одних! — причитали пастушата, которым казалось, что с ними рядом был ангел, пока они могли видеть фею.

— Я не уйду, я никуда не уйду! — закричала Косенка, но её вуаль развевалась, как будто сама по себе хотела унести её над водой и поднять в облака.

Вдруг они услышали крик. Вода поднялась, схватила одну из девочек за подол юбки и стала уносить её прочь. Лиле подоспел как раз вовремя, схватил девочку и затащил её обратно на холм.

— Мы должны связать себя, — закричали пастушата, — мы должны привязаться друг к другу, иначе погибнем.

— Сюда, детишки, сюда! — закричала Косенка, у которой было доброе и сострадательное сердце.

Она быстро сняла с плеч свою волшебную вуаль и отдала её девочкам и мальчикам. Они разорвали её на полоски, связали полоски в длинные верёвки и обвязались друг с другом вокруг Лиле и Косенки. А рядом с ними блеяли бедные овцы и ягнята, боявшиеся утонуть.

Но Косенка была теперь среди этих несчастных детишек обыкновенным ребёнком. Свои жемчужины она растратила на игрушки, а волшебную вуаль отдала и порвала по доброте душевной — отныне она не могла больше ни взлететь, ни спастись из этой беды.

Лиле же дорожил Косенкой больше всего на свете, и когда вода уже поднялась к его ногам, он крикнул:

— Не бойся, Косенка! Я спасу тебя от воды!

И он поднял фею на руки.

Одной рукой Косенка уцепилась за шею Лиле, а другой направила маленький фонарь в сторону Регоча.

Регоч, лёжа по грудь в воде, всё это время упорно боролся с наводнением. Справа и слева от него, как два огромных рога, возвышались развалины дамбы. Борода Регоча была всклокочена, плечи кровоточили. Но он не мог остановить поток, а вода вокруг холма всё поднималась и поднималась, стремясь утопить жалкие остатки жителей обеих деревень. И вот наступила ночь — да, уже была полночь.

Вдруг у Косенки мелькнула мысль, и она, всхлипывая и плача, громко рассмеялась, обращаясь к Регочу:

— Регоч, старый простофиля! Почему бы тебе не сесть между этими двумя рогами дамбы? Почему бы тебе не запрудить поток спиной и плечами?

Мальчики и девочки сразу же перестали выть. Они были ошеломлены этой идеей, ведь ни один из них не подумал об этом раньше!

Только и слышно было: «Уху-ху-ху!» — это был смех Регоча. А когда Регоч смеётся, заметьте, это не шутка! Вся вода вокруг него кипела и бурлила, когда он трясся от смеха над собственной глупостью!

Регоч встал, повернулся лицом к детишкам и в одно мгновение уселся между двумя рогами разрушенной дамбы.

Тут случилось удивительное: Зловодка остановилась и не смогла подняться выше плеч Регоча, а последовала по своему обычному руслу, как и прежде! Это было самое что ни на есть чудесное спасение!

Мальчики и девочки были спасены от самой страшной опасности, а Регоч, усевшись поудобнее, набирал землю в горсти и медленно, но верно восстанавливал дамбу под собой и по бокам. Начал он это глубокой ночью, а когда рассвело, работа была закончена. Как только взошло солнце, Регоч встал с починенной дамбы и принялся расчесывать свою бороду, которая была вся в грязи, ветках и мелких рыбках.

Но несчастные мальчики и девочки ещё не избавились от своих проблем, ведь как и куда им теперь идти? Они одни стояли на вершине холма. Вокруг них простиралась водная гладь. От двух деревень не было видно ничего, кроме нескольких крыш, и ни в одной из них не было ни единой живой души. Конечно, жители могли бы спастись, если бы укрылись на чердаках. Но в обеих деревнях все вышли на гумно с цимбалами и свирелями, чтобы веселиться и наблюдать за уничтожением друг друга. И когда вода доходила им до пояса, они все ещё звенели цимбалами, а когда доходила до шеи, они все ещё дули в свои свирели от злости. Так они и утонули, все до единого, вместе со своими цимбалами, свирелями и барабанами — и поделом им за их злобу и бессердечие!

Так бедные дети остались без единой души, которая бы лелеяла и защищала их, они все остались без дома и без крова.

— Мы не воробьи, чтобы жить на крышах домов, — грустно говорили мальчики, видя только крыши, торчащие из воды, — и мы не лисы, чтобы жить в норах на холмах. Если бы кто-нибудь мог осушить наши деревни от воды, мы могли бы как-то выжить,

а так нам остаётся только прыгнуть в воду вместе со своими стадами и утонуть, как все остальные, потому что нам не к кому и некуда обратиться.

Положение и впрямь было печальным, и Регочу было ужасно жаль их. Но случилось несчастье, которое он никак не мог исправить. Он посмотрел на воду и сказал:

— Здесь слишком много воды, чтобы я мог её вычерпать или выпить, чтобы осушить ваши деревни. Эх, ребяташки, что же мне для вас сделать?

Тут встал и заговорил Лиле, который был самым мудрым юношей в этих краях:

— Регоч, дядюшка, если ты не можешь выпить столько воды, то земля сможет. Сделай в земле яму, дорогой дядюшка, и слей воду в землю.

Боже мой! И разве не был наделён великой мудростью мальчик размером не больше пальца великана?

Тотчас же Регоч ударил ногой по земле и пробил дыру, а земля, как жаждущий дракон, стала пить и глотать и втягивать в себя неисчерпаемую воду со всей равнины. Вскоре земля выпила воду до конца — деревни, поля и луга вновь оказались на суше, конечно, опустошённые и покрытые грязью, но все на своих местах.

При виде этого зрелища детишки повеселели, но никто так не радовался, как Косенка. Она хлопала в ладоши и кричала:

— О, как будет чудесно, когда все поля снова станут золотыми, а луга зелёными!

Но тут мальчики и девочки снова приуныли, и Лиле сказал:

— Кто теперь покажет нам, как возделывать землю, когда ни одного из наших родителей не осталось в живых?

И в самом деле, далеко вокруг не было ни одной живой души старше той толпы беспомощных пастушат посреди опустошённой равнины. Среди них был взрослым только Регоч, такой большой и неуклюжий, что он не мог повернуть голову ни в одном из их домов, и к тому же ничего не смыслил ни в пахоте, ни в земледелии.

Вновь все они оказались в затруднительном положении, и больше всех Регоч, который так обожал красавицу Косенку, а теперь ничего не мог сделать ни для неё, ни для её друзей!

И, что хуже всего, Регоч ужасно тосковал по заброшенному и замёрзшему городу Легену. За эту ночь он наглотался грязи и насмотрелся на неприятности так, что этого хватило бы на тысячу лет. И поэтому он просто умирал от желания вернуться в свой огромный, пустой город, где он спокойно считал камни в течение многих столетий.

Пастухи и пастушки были удручены, и Лиле был удручен, а Регоч был удручен больше всех. В самом деле, грустно было смотреть на всех этих бедных мальчиков и девочек, обречённых погибнуть без родителей и увянуть, как цветок, оторванный от корня.

Только Косенка весело оглядывались по сторонам, направо и налево, ибо ничто не могло испортить её хорошего настроения.

Вдруг она воскликнула:

— Смотрите, смотрите! Что это за люди? О, Боже, как они выжили?

Все посмотрели в сторону деревни: там в одном из чердачных окон показались головы пожилой пары — старика и старухи. Они махали платками, называли молоденьких пастушат по именам и звонко смеялись, пока их морщинистые лица не засияли от радости. Это были прадедушка и прабабушка, единственные разумные люди в двух деревнях, которые спаслись, укрывшись на чердаке!

О, Боже! Если бы дети увидели восходящее солнце и утреннюю звезду в том чердачном окне, они бы вряд ли так сильно обрадовались. Сами небеса снова сотрясались от их криков:

— Бабушка! Дедушка!

Они мчались к деревне, как молодые гончие: впереди — Косенка с голубыми волосами, развевающимися на ветру, за ней — пастушата, а за ними — овцы и ягнята. Они не останавливались, пока не добрались до деревни, а там у ворот их ждали дедушка и бабушка. Они приветствовали их, обнимали, и никто из них не мог найти слов, чтобы поблагодарить Бога за Его милость, даровавшую дедушке и бабушке столько мудрости, что они смогли укрыться на чердаке! Это было весьма хорошо, ведь то были совсем простые деревни, где не было ни книг, ни записей, и кто бы напомнил мальчикам и девочкам о последствиях злодеяний, если бы дедушка и бабушка не были спасены?

Обнявшись, дети вспомнили о Регоче. Они оглядели равнину, но его нигде не было видно. Он исчез, исчез внезапно, этот огромный здоровяк, исчез, как мышь в своей норе.

А Регоч и впрямь скрылся, как мышь в свою нору. Когда дедушка и бабушка появились в чердачном окне, великан испугался так, как никогда в жизни. Он пришёл в ужас при виде их изборозждённых морщинами иссохших старых лиц.

«О, Боже! О, Боже! Через какие неприятности, должно быть, пришлось пройти этим старикам в здешних краях, раз они стали так выглядеть!» — подумал Регоч, и в ужасе он в тот же миг прыгнул в дыру, через которую просочились воды Зловодки, и убежал обратно в свой пустынный город Леген.

В деревне всё шло своим чередом. Дедушка и бабушка учили молодёжь, а молодёжь пахала и сеяла. По совету дедушки и бабушки они построили одну деревню, одну молотилку, одну церковь и одно кладбище, чтобы не было больше ни зависти, ни бед.

Всё у них складывалось хорошо, и в самом центре деревни они построили прекрасную башню из горного мрамора, а на её вершине разбили сад, где цвели апельсины и дикие оливы. Там жила прекрасная фея Косенка и смотрела вниз на землю, которая была ей очень дорога с того самого момента, как она впервые попала туда.

Вечером, когда заканчивались полевые работы, Лиле уводил мальчиков и девочек в башню, и они пели песни и танцевали в саду вместе с Косенкой, всегда милой, нежной и радостной.

А под землей Регоч снова столкнулся с водами Зловодки, и они ревели и бурлили под ним, и он боролся с ними, пока не загнал их в глубь земли, в самую Преисподнюю, чтобы они никогда больше не служили злобе и зависти людей. А затем Регоч отправился в город Леген. Там он сидит и по сей день, пересчитывает камни и молится, чтобы Господь никогда больше не искушал его в этом огромном и пустынном месте, которое как нельзя лучше подходит для такого большого и такого бесхитростного существа.

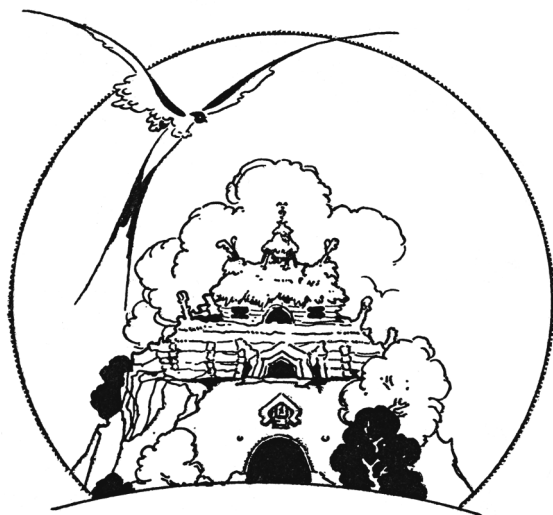

Солнце–шафер
и
Нева–невестушка

Давным-давно жили-были мельник со своей женой, и оба они были скупы и жестокосердны. Когда слуги короля привозили зерно для помола, мельник молот его бесплатно и вдобавок посылал королю подарок, лишь бы добиться благосклонности могущественного короля и его дочери, гордой принцессы. Но когда бедняки приходили молотъ своё зерно, мельник брал одну меру в оплату за каждые две, которые молот, а без этого не молот вовсе.

Однажды, как раз на Коляду¹, в самый лютый мороз, к мельнику пришла старушка вся в заплатах и лохмотьях. Мельница стояла в небольшой рощице у ручья, и никто не мог сказать, откуда старица пришла.

Но это была не просто старая женщина, как другие старушки, это была матушка Мокошь². Она могла превращаться в любую смертную тварь, в птицу или змею, в старуху или молодую девушку. А кроме того, она могла делать всё, что угодно, — и хорошее, и плохое. Но горе тому, кто обидит её, потому что она была очень злопамятной.

---

¹ *Коляда* — зимний праздник, отмечаемый в конце декабря в честь солнца, сила которого в эти дни снова начинает возрастать.

² *Мокошь* — могущественная богиня, которая, согласно верованиям древних славян, правила землёй и была тесно связана с болотистыми местностями. Она упоминается в связи с небесным богом-громовержцем Перуном.

Мокошь жила в трясине на краю болота, где обитало осеннее солнце. Там солнце проводило долгую зимнюю ночь, потому что Мокошь знала сильные травы и могущественные заклинания, — она холила и лелеяла старое немощное солнце, пока оно не становилось снова молодым на Коляду и не отправлялось в путь.

— Доброго вам дня, — обратилась матушка Мокошь к мельнику и его жене. — Смелите-ка мне вот этот мешок зерна.

Старушка поставила мешок на пол, и мельник сказал:

— Я смелю это зерно для вас: половину мешка вам на пирог, а половину — мне за мои хлопоты.

— Так не пойдёт, сынок! Мне не хватит на пирог на Коляду, потому что у меня шесть сыновей, а седьмой — мой внук, само Солнышко, который родился сегодня.

— Уходи и не болтай ерунды, старая дура! — разозлился мельник. — Как ты можешь быть бабушкой самого Солнца?

Они спорили то так, то эдак, но мельник не соглашался молоть меньше, чем за половину мешка, и тогда старая женщина взяла свой мешок и ушла той же дорогой, которой и пришла.

У мельника была дочь, прекрасная девушка, которую звали Нева-невестушка¹. Когда она родилась, феи искупали её в воде-ома², которая падает с мельничного колеса, чтобы всё зло убежало от неё, как убегает вода с мельницы. А кроме того, феи предсказали, что на свадьбе к алтарю девушку поведёт само Солнце. Подумать только — маленькая невестка Солнца! Поэтому её называли Нева-невестушка, и она была прекрасна и весела, как летний день.

Неве-невестушке было жаль, что мельник так жестоко прогнал старую женщину. Она вышла, дождалась её в лесу и сказала:

— Приходите завтра, матушка, когда я буду одна. Я бесплатно смелю зерно для вас.

На следующий день мельник и его жена отправились в лес рубить святочное дерево, а Нева-невестушка осталась одна.

Вскоре старушка вернулась со своим мешком зерна.

— Да сопутствует тебе удача, юная девица, — сказала женщина.

---

¹ *Нева-невестушка* — «Нева» означает «невеста». Невечица — уменьшительное от слова «нева».

² *Вода-ома* — вода, стекающая с мельничного колеса. Крестьяне купали детей в этой воде, чтобы отвратить от них зло.

— И вам того же, — ответила Нева-невестушка. — Подождите минутку, матушка, пока я открою мельницу.

Мельница работала от небольшого колеса, которое захватывало воду четырьмя лопастями, установленными крест-накрест, и вращалось, как веретено. Мельник перекрыл воду, и Нева-невестушке пришлось пробираться по колено в ледяном потоке, чтобы открыть шлюз.

Мельница загремела, закрутились жернова, и Нева-невестушка смолола зерно старой женщины. Она наполнила мешок мукой и ничего не взяла за свои труды.

— Большое тебе спасибо, девица, — сказала матушка Мокошь, — и я помогу тебе, куда бы ни понесли тебя ноги, раз уж ты не берегла свои ступни от ледяной волны и не пожалела, что запачкала руки ради меня. Кроме того, я расскажу своему внуку, Солнцу, кому он обязан праздничным пирогом.

И старая женщина взяла мешок с мукой и ушла.

С того дня без Невы-невестушки на мельнице ничего не ладилось. Если её рука не лежала на мельнице, лопасти не крутились, если она не заглядывала в бункер, в нем не было муки. Сколько бы ни сыпалось в него из зернохранилища, всё пропадало на полу — бункер оставался пустым, если Нева-невестушка не обслуживала мельницу. И так было со всем на мельнице и вокруг неё.

Это продолжалось много дней, снова и снова, и ничего не менялось, пока мельник и его жена не начали завидовать своей дочке и ненавидеть её. Чем больше девица работала и чем больше зарабатывала, тем мрачнее они смотрели на неё, потому что ей это давалось легко, как песня, а им — с большим трудом и мучениями.

И вот однажды утром, в день летнего солнцестояния, огромное, сияющее солнце плыло по небу, как расплавленное золото. Солнце больше не ночевало на болоте, Мокошь не лелеяла его, а властвовало Солнце над всем миром, подчинялись ему и небо и земля. Нева-невестушка сидела в Иванов день возле мельницы и думала про себя: «Вот бы мне уехать отсюда, раз уж мне все равно не угодить этим брюзгам!»

Как раз в тот момент, когда она подумала об этом, перед ней предстала Мокошь в образе старухи.

— Я помогу тебе, девица, но ты должна во всём меня слушаться и не перечить мне, — сказала старуха. — Сегодня утром гордая

*Солнце больше не ночевало на болоте,
Мокошь не лелеяла его, а властвовало Солнце
над всем миром, подчинялись ему и небо и земля.*

принцесса гуляла по лугу и потеряла ключи от сундука и гардероба, и теперь она не может достать ни корону, ни мантию. Поэтому принцесса объявила, что если ключи найдёт юноша, то она полюбит его и станет его невестой, а если это будет девица, то принцесса возьмет её в первые фрейлины. Так что ты пойдёшь со мной, и я покажу тебе, где лежат ключи среди кустов щирницы, растущих на лугу. Ты отнёсёшь ключи принцессе и станешь первой фрейлиной. Тебя оденут в шелка, и ты будешь сидеть у ног принцессы.

Тут же Мокошь превратилась в перепёлку, и Нева-невестушка последовала за ней.

И вот они вышли на луг перед королевским дворцом. Доблестные витязи и благородные дамы расхаживали по лугу, а вокруг стояли оруженосцы, державшие на поводу отважных скакунов. Только одного скакуна держал не оруженосец, а босоногий мальчишка. Этот конь принадлежал Олеху-бану¹, и это был самый буйный скакун из всех. Олех-бан был великолепнейшим витязем под солнцем. Его легко можно было узнать среди множества графов и вельмож, потому что одеяние его было простым и лишённым украшений, но белый плюмаж — награда за доблесть — выделял его среди всех остальных.

Витязи и дамы разгуливали по лугу туда-сюда, топча траву и пытаются найти ключи. Лишь Олех-бан почти не искал их, считая это дело просто шуткой и пустым занятием. А королевская дочь выглядывала из окна и наблюдала за тем, к кому судьба будет благосклонна. Гордая принцесса внимательно следила за происходящим и повторяла заклинания на удачу, чтобы Олех-бан нашёл её ключи.

Когда Нева-невестушка появилась с перепёлкой, летящей впереди неё, ни одна душа на лугу не заметила девицу, кроме Олеха-бана.

«Никогда ещё я не видел такой прелестной девицы», — подумал Олех-бан и шагнул к ней.

Но тут королевская дочь тоже заметила Неву-невестушку из своего окна, и так она была горда и бессердечна, что не остановилась, чтобы посмотреть, как мила девица, а очень рассердилась и сказала: «В каком бедственном положении я окажусь, если эта простая девка найдёт ключи и станет моей фрейлиной!» Рассудив так, она тут же послала слуг прогнать девушку с глаз долой.

¹ *Бан* — наместник, здесь можно сказать «воевода».

Нева-невестушка пошла через луг, куда вела её перепёлка. Они пришли на середину луга, где росла высокая щирца. Перепёлка убрала два листочка у корней, а под ними лежали ключи.

Нева-невестушка нагнулась и подобрала ключи, но когда она подняла глаза на королевский дворец и увидела гордую принцессу, то испугалась и подумала: «Как же я буду жить фрейлиной принцессы?»

Подумав так, она глянула вправо, и вот рядом с ней стоит славный витязь, словно бы побратим самого Солнца. Это был Олех-бан.

Нева-невестушка решила послушаться Мокоши и протянула ключи Олеху-бану.

— Возьми ключи, неизвестный витязь, и пусть тебя полюбит королевна и будет тебе невестой, — сказала девица, не в силах оторвать глаз от славного витязя.

Но в этот момент подоспели слуги с хлыстами и хотели отстегать девицу, чтобы, согласно приказу принцессы, прогнать с глаз долой. Увидев это, Олех-бан мгновенно набрался смелости и так ответил Неве-невестушке:

— Благодарю тебя за ключи, милая девица, но я решил иначе. Ты — моя настоящая любовь и станешь моей невестой, потому что ты прекраснее утренней звезды. Вот мой добрый конь, он доставит нас в мои Бесплодные земли.

С радостью согласилась Нева-невестушка отправиться с Олехом-баном, и он посадил девицу на своего коня. Когда добрый конь быстро пронёс их мимо королевны, сидевшей у окна, Олех-бан так ловко бросил ей ключи, что они зацепились за оконную задвижку.

— Вот ваши ключи, светлейшая принцесса! — крикнул Олех-бан. — Носите свою корону и свои одежды в полном счастье, а я нашёл себе невесту.

Целую ночь ехали Олех-бан с Невой-невестушкой, а на рассвете прибыли они в Бесплодные земли, к дубовой крепости Олеха-бана. Вокруг крепости было три рва, а посреди крепости стоял почерневший от копоти замок.

— Вот замок Олеха-бана! — сказал витязь Неве, а сам рассмеялся, потому что его замок был совсем беден и неказист.

Но ещё больше смеялась Нева, ведь ей предстояло стать женой такого славного витязя.

Они сразу же выбрали гостей на свадьбу, чтобы отпраздновать бракосочетание. Пригласили двадцать добрых молодцев и двадцать девиц-сироток, потому что именно столько людей жило в Бесплодных землях. Чтобы было ещё интереснее, позвали они также дикого волка и его подружку с холмов, и рыжевато-коричневого орла, и серого ястреба-тетеревятника, а Нева-невестушка пригласила двух подружек невесты — горлицу и ловкую ласточку.

Нева похвасталась Олеху-бану:

— Если бы Солнце узнало меня, оно бы тоже явилось на свадьбу. Солнце было бы шафером на свадьбе, ведь так мне предсказали феи.

И вот свадебные гости собрались в почерневшем от копоти замке, чтобы повеселиться, и не подозревали о злой судьбе, уготованной им.

Гордую принцессу ранило в самое сердце, когда Олех-бан швырнул ей ключи и на глазах у стольких вельмож, графов и витязей отказался от светлейшей принцессы и предпочёл безымянную девушку.

Тогда принцесса обратилась к государю, своему отцу, и просила, и умоляла его, пока он не одолжил ей своё могучее войско. Хорошо снаряжённая армия двинулась на Бесплодные земли Олеха-бана во главе с разгневанной принцессой.

Гости как раз садились за стол, когда вдалеке показалась армия. Она была так велика, что покрывала все Бесплодные земли, и за ней не было видно даже клочка травы. А перед войском глашатай во всеуслышание кричал:

Узрите доблестную армию,
Что вышла на поле боя.
Олех-бан, мятежник,
Мы приказываем тебе сдаться,
Или мы возьмём тебя живым
И лишим всякой свободы!
А невесту избавим от сердца!

Когда Олех-бан услышал это, он спросил у Невы:

— Не боишься, прекрасная девица?

— Я не боюсь, — с улыбкой ответила она. — Я доверяю серому волку и его подружке, нашим двадцати доблестным воинам и двадцати

сироткам, а больше всего витязю Олеху-бану. И, кроме этого, у меня есть две храбрые подружки невесты — горлица и ловкая ласточка.

Олех-бан улыбнулся, и вот уже гости свадьбы легко вскочили на ноги. Они схватили оружие, и добрые молодцы, и сиротки, и встали у окон почерневшего от копоти замка, натягивая шёлковые тетивы своих добрых луков в ожидании принцессы и её войска. Но войско это было столь могущественным, что ни Олех-бан, ни его свадебные гости, ни почерневший от копоти замок не смогли ему противостоять. Первыми пали серый волк и его подружка, ибо они перепрыгнули частокол и рвы и бросились прямо на королевскую рать, чтобы вырвать глаза гордой принцессе посреди её армии. Сотня булав поднялась в воздух — воины храбро защищали гордую принцессу. Орлу и серому ястребу-тетеревятнику сломали крылья, а затем тяжёлые кони втоптали их в чёрную землю.

Огромное войско всё ближе и ближе подходило к почерневшему от копоти замку. Когда оно уже стояло на пороге, свадебные гости отпустили шёлковые тетивы и встретили воинов ливнем стрел.

Но меткие лучники разгневанной принцессы не останавливались.

Стрелы полетели туда-сюда. Лучников в войске было не счесть, так что их стрелы влетали в окна почерневшего от копоти замка, как чума с небес. У каждого доброго молодца было по две-три раны, а у каждой сиротки — по десятку.

Но самую тяжёлую рану получил Олех-бан. Его добрая правая рука бессильно повисла, и он сильно страдал от ранения.

Нева-невестушка кинулась к Олеху-бану и промыла ему рану во дворе почерневшего от копоти замка. Пока она промывала рану, Олех-бан говорил:

— Недолго жили мы счастливо, невестушка моя. Не осталось никого, на кого бы ты могла положиться, а вот и вражеская дружина у ворот нашего почерневшего от копоти замка. Они скоро сломают дубовый частокол, пробьют древние ворота. Мы погибнем, нам всем конец — и волкам, и орлам, и добрым молодцам, и сироткам, и Олеху-бану, и его Нева-невестушке!

Нева-невестушка печально задумалась, а потом сказала:

— Не бойся, храбрый витязь. Я пошлю горлицу за Мокошью, живущей на болоте. Нет ничего, чего Мокошь не знала бы и чего не могла бы сделать, и она поможет нам.

И Нева-невестушка послала проворную горлицу. Серая птичка улетела быстрее, чем стрела, спущенная с тетивы, и вражеские стрелы не настигли её. Она улетела и привела Мокошь с болота. Мокошь превратилась в ворона и уселась на крыше почерневшего от копоти замка.

Воины уже ломились во все ворота. Тяжёлые дубины били по ним, стучали и звенели, пока во всех дворах и переходах почерневшего от копоти замка не раздался новый звон, словно войско из самой преисподней колотило в ворота Олеха-бана.

— Приветствую вас, дорогая Мокошь! — обратилась прекрасная Нева к черному ворону. — Приветствую вас! Помогите нам противостоять злой принцессе, иначе мы все погибнем безвременно!

Но Мокошь лишь злобно выжидала удобного случая, чтобы выказать свою обиду. Взмахнув чёрными крыльями, ворон сказал:

— Спасайся сама, голубушка моя! Если бы ты послушала меня, то отдала бы принцессе её ключи. Ты бы купалась в королевской милости, рядом с принцессой, в роскошных шелках, попивая вино из золотого кубка. Но теперь ты получила, что желала. И вот ты в почерневшем от копоти замке, где нет никого, кроме израненных голодранцев внутри и бесчисленного множества вражеских воинов снаружи. Обратись за помощью к тому, чей совет привёл тебя к этой участи!

Услышав это, Олех-бан вскочил на ноги, весь израненный, и гневно воскликнул:

— Оставь это недостойное дело, Нева-невестушка! Когда это витязю помогал ворон? А ты, — обратился он к Мокоши, — убирайся прочь с моей крыши, черная птица злодейская, не хочу я тратить на тебя хорошую быструю стрелу!

С этими словами Олех-бан обнял Неву-невестушку и сказал:

— Когда я погибну среди королевского войска, иди, моя милая невеста, покорись, и ты станешь фрейлиной гордой принцессы — фрейлиной, которая должна была стать истинной любовью и госпожой Олеха-бана.

На мгновение Олех-бан замешкался, но затем отпрянул от невесты и бросился через двор и проход, намереваясь поднять дубовые решётки и распахнуть ворота перед несметным воинством, чтобы погибнуть или прорубить себе путь сквозь вражеские ряды.

Нева-невестушка осталась одна в почерневшем от копоти замке, а над ней на крыше примостился чёрный ворон. Она слышала, как

*...Стрелы влетали в окна
почерневшего от копоти замка,
как чума с небес.*

падают тяжёлые дубовые засовы, вот-вот рухнут древние ворота, ещё мгновение — и жестокие воины ворвутся внутрь, возьмут Олехабана в плен и вырвут сердце из её груди! Быстро проносились мысли в мозгу у невесты: «Что делать и как быть?»

Прелестная девица огляделась по сторонам, не найдётся ли кто-нибудь, кто пожалел бы её в беде. Она опустила свои прекрасные глаза к земле и подняла их к небу. На небе, в зените, в сиянии чистого золота, проплывало солнце. Когда она взглянула на Солнце, Солнце обратило свой взор на неё в ответ и тотчас же изумилось такой красоте. Солнце и Нева-невестушка посмотрели друг на друга и узнали друг друга, и Солнце сразу же вспомнило:

— Да ведь это та самая маленькая невеста, чьим шафером мне, Солнцу, суждено было стать! В счастливый час она дала мне пирог на Коляду, а в ещё более счастливый час разыскала меня на небе.

За мгновение до этого Солнце слышало, как Мокошь насмехается над Невой-невестушкой и злобно отказывается ей помочь. И вот Солнце обрушило на неё свой гнев. Вся земля затихла от страха — топоры и дубины были брошены в ужасе, когда Солнце загремело над Мокошью:

— Эх, кормилица, каменное сердце! Если бы злоба в мире управляла правдой, неверной была бы такая правда! Ты вырастила меня в грязи, так довольствуйся тем, что грязь остаётся твоей стихией! Вместе со мной ты не бороздила небеса, не спускалась с них вниз, чтобы узнать, как из света рождается справедливость. Боже, кормилица, каменное сердце! Неужели Солнце на Иванов день в своём могуществе должно забыть, кто посылал ему дары в ночь Коляды, когда оно было слабым младенцем? Или же Солнце-шафер должно обидеться на невесту за то, что она покинула двор короля и двор принцессы, потому что предпочла витязя в своем сердце? Опустись под землю, кормилица, каменное сердце! Чтобы ты из-под земли, а я с неба помогли достойному витязю и его прекрасной избраннице.

Небо и земля повинуются Солнцу, и как мог чёрный ворон, — а это была Мокошь, — противостоять его приказаниям? В тот же миг Мокошь опустилась под землю, дабы исполнить повеление Солнца.

И как ни сильно Солнце было раньше, теперь оно стало ещё сильнее. Солнце палило сверху — оно опалило Бесплодные земли, оно опалило небо и землю, и оно могло бы расплавить Медную гору!

На головах жестоких воинов плавилась шлемы, плавилась тяжёлые доспехи, раскалялись копья и топоры. Жар охватил разгневанную принцессу, жар охватил толпу лучников: их мозги зажарились в шлемах, а груди запылали от жара под доспехами. У кого не было укрытия, тот сразу погибал. Всех воинов сразил жар. Они падали один на другого. Кто-то своего названного брата хочет позвать, но ещё не позвал, а уже мёртвый лежит.

Пока Солнце справлялось с жестокими воинами, Мокошь помогала ему из-под земли. Она открывала под ногами воинов глубокие ямы-трясины. Всякий раз, когда Солнце поражало человека, под ним разверзалась трясина. Он погружался в трясину, и она смыкалась над ним: где стоял человек, там и была его могила.

И воины исчезали один за другим, и лучники один за другим, и боевое оружие, и булавы, и топоры. Страшно было смотреть на великое войско, поражённое с неба судом самого Солнца. Солнце было палачом, а земля — могильщиком. Прошло немного времени, час или два, и великое воинство исчезло — ни одной живой души не осталось в Бесплодных землях. В живых остались лишь те, кто находился под крышей почерневшего от копоти замка.

Теперь в Бесплодных землях снова всё было спокойно, и вот прекрасная девица Нева-невестушка радостно выглядывает из окна, наблюдая за тем, как Солнце становилось все более кротким, покончив с насилием на земле.

Вскоре раны добрых молодцев затянулись, ибо им помогла сама удача, а сиротки выздоровели ещё быстрее, ибо трудности — хорошая школа. Что касается Олеха-бана, то он не мог не выздороветь, когда рядом с ним была его любимая и верная Нева-невестушка. Рано утром ловкая ласточка вылетела с приветствием к Солнцу. В сумерках ласточка вернулась с приветствием от Солнца и велела готовить к завтрашнему дню свадебный пир, ведь завтра Солнце придет выдавать девицу за славного витязя.

Всё было готово, и всё прошло так, как они задумали. И такой свадьбы, как у них, и таких песен, какие пели в тот день в Бесплодных землях, вы не сыщете больше ни через сто лет, ни в тридевяти королевстве.

Лес Стрибора

I

Как-то один юноша отправился в лес Стрибора и не знал, что лес этот заколдован и в нём обитают всевозможные волшебные существа. Некоторые из них были хорошими, а некоторые плохими — каждому по его заслугам.

Лес этот должен был оставаться заколдованным до тех пор, пока в него не войдет тот, кто предпочтёт свои горести всем радостям этого мира.

Юноша принялся рубить дрова и вскоре присел на пень отдохнуть, ибо был прекрасный зимний день. А из пня выскользнула змея и стала ластиться к нему. Это была не настоящая змея, а женщина, превращённая в змею за свои грехи, и освободить её мог только тот, кто готов был вступить с ней в брак. Змея сверкала, как серебро на солнце, и глядела в глаза юноше.

— Боже мой, какая красивая змея! Я бы хотел забрать её домой, — с весёлым видом сказал юноша.

«Вот глупый дурачок, что собирается выручить меня из беды», — подумала грешная душа в змее. И она сразу же превратилась из змеи в прекраснейшую женщину, представшую перед юношей. Рукава её были белыми и расшитыми, как крылья бабочки, а ноги — маленькими, как у принцессы. Но поскольку мысли её были злыми, то и язык во рту оставался змеиным.

— Вот я какая! Возьми меня домой и женись на мне! — сказала женщина-змея юноше.

Если бы юноше хватило ума быстро метнуть в неё топор и воскликнуть: «Я, видишь ли, никогда не думал о свадьбе с лесной

ведьмой!», то женщина сразу же превратилась бы в змею и уползла обратно в пень, и никто бы не пострадал.

Но он был из числа добродушных, робких и застенчивых юношей, к тому же ему было стыдно сказать ей «нет», когда она так преобразилась. Она понравилась ему, потому как была очень красива, а он в силу своей невинности не мог знать, что осталось у неё во рту.

Поэтому он взял её за руку и повёл домой. Этот юноша жил со старой матерью, и её он лелеял, словно святой образ.

— Это твоя невестка, — сказал юноша, входя с женщиной в дом.

— Благодарение Господу, сын мой, — ответила мать и посмотрела на красавицу.

Но мать была стара и мудра и сразу поняла, что во рту невестки. Невестка вышла переодеться, а мать сказала сыну:

— Ты выбрал очень красивую невесту, мой мальчик, только берегись, как бы она не оказалась змеей.

Юноша остолбенел от изумления. Откуда его мать могла знать, что невестка была змеей? И сердце его наполнилось гневом, когда он подумал: «Наверняка моя мать — ведьма». И с того момента он возненавидел свою мать.

Так и стали они жить троём, но плохо и неладно. Невестка была вспыльчивой, злобной, жадной и гордой.

Недалеко от их дома была горная вершина, высокая, выше облаков, и однажды невестка попросила старую мать подняться и принести ей снега с вершины, чтобы она умылась.

— Туда нет тропинки, — сказала мать.

— Возьми козу, пусть она тебя проводит. Где она поднимется, там ты сорвёшься, — сказала невестка.

Сын был в это время рядом, но только посмеялся над этими словами, просто чтобы порадовать жену.

Это так огорчило мать, что она сразу же отправилась на вершину за снегом, потому что устала от жизни. По дороге она думала попросить Бога помочь ей, но передумала и сказала:

— Ведь тогда Бог узнает, что мой сын немилосерден.

Однако Бог всё равно помог ей, и она благополучно принесла снег невестке с заоблачной вершины.

На следующий день невестка дала ей новое задание:

— Пойди к замёрзшему озеру. Посреди озера есть лунка, поймай мне там карпа на ужин.

— Лёд провалится подо мной, и я утону в озере, — ответила старая мать.

— Карп будет весьма доволен, если ты попадёшь к нему на дно, — сказала невестка.

И сын снова рассмеялся, а мать так опечалилась, что сразу же пошла к озеру. Лед трещал под старухой, и она рыдала так, что слёзы замёрзли на её лице. Но она не молила Бога о помощи, она скрывала от Бога, что её сын грешен. «Лучше бы мне погибнуть», — думала мать, шагая по льду.

Но её время ещё не пришло. И вот у неё над головой пролетела чайка, держа в клюве рыбу. Рыба вырвалась из клюва чайки и упала прямо к ногам старухи. Мать подобрала рыбу и благополучно принесла её невестке.

На третий день мать села у огня и взяла рубашку своего сына, чтобы заштопать её. Когда невестка увидела это, она подлетела к ней, выхватила рубашку у неё из рук и закричала:

— Прекрати штопать, старая слепая дура! Это не твоё дело.

И она не позволила матери починить рубашку сына.

Тогда сердце старухи совсем опечалилось, так что она вышла на улицу, села в самый лютый холод на скамейку перед домом и возвала к Богу:

— Господи, помоги мне!

В этот момент она увидела бедную девицу, идущую к ней. У её одежды был оторван рукав, и одно плечо посинело от холода. Но девица всё равно улыбалась, потому что была доброй и милой. Под мышкой она несла вязанку хвороста.

— Матушка, не купите ли вы у меня хворост? — спросила девушка.

— У меня нет денег, моя дорогая. Но если хочешь, я починю тебе рукав, — грустно ответила старая мать, продолжавшая держать в руках иголку и нитку, которыми она хотела починить рубашку сына.

И старая мать залатала девушке рукав, а та дала ей вязанку хвороста, поблагодарила и пошла дальше счастливая, потому что плечо у неё больше не мёрзло.

II

В тот вечер невестка сказала матери:

— Мы идём ужинать к крёстной. Не забудь приготовить для меня горячую воду, когда я вернусь.

Невестка была жадной и всегда была не прочь получить приглашение на ужин.

Сын с невесткой ушли, и старуха осталась одна. Она достала хворост, который дала ей бедная девушка, разожгла огонь в очаге и пошла в сарай за дровами.

Когда она возилась с дровами в сарае, то вдруг услышала, как на кухне что-то шумит и шуршит — «хист, хист!»

— Кто бы это ни был, отзовись! — крикнула старушка из сарая.

— Домовята! Домовята!¹ — ответили ей из кухни такими тоненькими голосами, что казалось, будто под крышей чирикают воробьи.

Старуха недоумевала, что же происходит там, в темноте, и пошла на кухню. Когда она вошла, в очаге как раз разгорелся хворост, а вокруг пламени танцевали домовята — крошечные человечки ростом с пол-локтя. На них были маленькие меховые шубки, шапочки и башмачки были красными, как пламя, бороды — седыми, как пепел, а глаза сверкали, как живые угольки.

Их становилось всё больше и больше, они выпрыгивали из пламени, по одному на каждую хворостинку. Появляясь, они смеялись и щебетали, кувыркались на очаге, визжали от радости, а потом брались за руки и кружились в хороводе.

И как они танцевали! Вокруг очага, в золе, под шкафом, на столе, в кувшине, на стуле! Круг за кругом! Всё быстрее и быстрее! Они щебетали и болтали, гонялись и резвились повсюду. Они рассыпали соль, пролили пиво, рассыпали муку — и всё это ради забавы. Огонь в очаге пылал и сиял, потрескивал и светился, а старуха всё смотрела и смотрела. Она не жалела ни о соли, ни о пиве, но радовалась весёлым маленьким человечкам, которых Бог послал ей в утешение.

---

¹ *Домовята* — у всех славянских народов так называют маленьких домашних волшебных существ, которые обитают у очага. Иногда они вредны, а иногда приносят пользу.

*Появляясь, они смеялись и щебетали,
кувыркались на очаге, визжали от радости,
а потом брались за руки и кружились в хороводе.*

Старухе казалось, что она снова помолодела. Она смеялась, как голубка, спотыкалась, как девчонка, и бросилась в хоровод с домовятами. Но всё это время на её сердце лежал груз, и он был так тяжёл, что хоровод мигом прекратился.

— Маленькие братья, — обратилась мать к домовьятам, — не можете ли вы мне разглядеть язык моей невестки, чтобы потом показать сыну то, что я видела своими глазами, — тогда он, возможно, одумается?

И старушка рассказала домовьятам обо всём, что произошло. Они сидели на краю очага, засунув маленькие ножки под решётку, каждый маленький человечек рядом со своим соседом, и слушали старушку, удивлённо мотая головами. А когда они мотали головами, их красные шапочки загорались отблесками пламени, и можно было подумать, что там нет ничего, кроме огня, горящего в очаге.

Когда старушка закончила свой рассказ, один домовёнок, его звали Крошка Тинтилинич¹, сказал ей:

— Я помогу тебе! Я отправлюсь в солнечную страну и принесу тебе сорочьи яйца. Мы положим их под курицу-наседку, и когда вылупятся сороки, твоя невестка выдаст себя. Она будет жаждать маленьких птенцов, как любая обычная лесная змея, и поэтому высунет язык.

Все домовята защебетали от радости, что Тинтилинич придумал такую хитрость. Они ещё пребывали на пике веселья, когда с ужина явилась невестка с пирогом.

Она в ярости бросилась к двери, чтобы посмотреть, кто там болтает на кухне. Но едва она открыла дверь, как раздался хлопок! Пламя подскочило, домовята подпрыгнули, прошлись своими маленькими лапками по всему очагу, поднялись над пламенем, взлетели на крышу, — доски в крыше слегка скрипнули, — и исчезли!

Только Крошка Тинтилинич не убежал, а спрятался среди золы.

Когда пламя внезапно взметнулось в воздух, а дверь с грохотом распахнулась, невестка взвизгнула так, что от испуга плюхнулась на пол, как мешок. Пирог разломился у неё в руке, волосы разметались, гребни рассыпались, глаза вытаращились, и она сердито воскликнула:

---

¹ *Крошка Тинтилинич* — старинное популярное прозвище самого непоседливого домовёнка.

— Что это было, старая развалина?

— Ветер раздул пламя, когда открылась дверь, — ответила мать, не теряя самообладания.

— А что это там в золе? — снова спросила невестка: она заметила среди золы красный каблук башмачка Тинтилинича.

— Это горящий уголёк, — сказала мать.

Однако невестка не поверила ей и, вся растрёпанная, встала и подошла поближе, чтобы посмотреть, что там на очаге. Когда она нагнулась лицом к пеплу, Крошка Тинтилинич быстро выставил ногу, так что каблук ударил невестку по носу. Женщина закричала так, словно тонула в море, — лицо её было всё в саже, а растрёпанные волосы присыпаны пеплом.

— Что это было, старая развалина? — прошипела невестка.

— Каштан лопнул в огне, — ответила мать, и Крошка Тинтилинич, лёжа в золе, чуть не лопнул от смеха.

Пока невестка умывалась, мать показала Крошке Тинтилиничу, куда невестка посадила курицу, чтобы на Рождество у неё были маленькие цыплята. В ту же ночь Крошка Тинтилинич принёс сорокчи яйца и положил их под курицу вместо куриных.

III

Невестка велела матери хорошо заботиться о курице и сразу же сообщить ей, когда вылупятся цыплята. Потому что невестка собиралась пригласить всю деревню посмотреть, что у неё есть цыплята на Рождество, когда ни у кого их ещё не было.

В положенный срок вылупились птенцы сороки. Мать сказала невестке, что цыплята вывелись, и невестка пригласила всю деревню. Пришли все кумушки и соседи, и большие, и маленькие, и сын старухи тоже был там. Невестка велела свекрови принести птичье гнездо в комнату.

Мать внесла гнездо, сняла курицу, и вот в гнезде что-то щебечет. Голые сороки выскочили наружу и прыг-скок, прыг-скок, прыг-скок по всей комнате.

Когда женщина-змея так неожиданно увидела сорок, она выдала себя. Её змеиное естество жаждало добычи — она бросилась за птен-

цами и высунула над ними свой тонкий дрожащий раздвоенный язык, как обычно делала в лесу.

Кумушки и соседи закричали, перекрестились и забрали своих детей домой, потому что поняли, что эта женщина и вправду была лесной змеей.

Мать подошла к сыну, полная радости.

— Отнеси её туда, откуда привёл, сын мой. Теперь ты своими глазами увидел, что ты лелеешь в своём доме, — и мать попыталась обнять сына.

Но сын был безмерно влюблён в жену и только ещё больше ожесточился и против деревни, и против матери, и против собственных глаз. Он не стал прогонять женщину-змею, а закричал на свою мать:

— Где ты взяла молодых сорок в такое время года, старая ведьма? Прочь из моего дома!

Несчастливая мать понимала, что ничего не поделаешь. Она плакала и рыдала и только умоляла сына не выгонять её из дома среди бела дня, чтобы вся деревня не видела, какого сына она воспитала.

Тогда сын разрешил матери остаться в доме до ночи.

Когда наступил вечер, старая мать положила в сумку немного хлеба и немного хвороста, который дала ей бедная девушка, и, плача и рыдая, вышла из сыновьего дома.

Но едва мать переступила порог, как огонь в очаге погас, а распятие упало со стены. Сын и невестка остались одни в тёмном доме. Сын почувствовал, что сильно согрешил против матери, и горько раскаялся. Но он не решался сказать об этом жене, потому что боялся её. Тогда он просто сказал:

— Пойдём за ней и посмотрим, как она умрёт от холода.

Обрадованная злая невестка вскочила, схватила шубы, они быстро оделись и издали последовали за старухой.

Бедная мать с тоской шла по снегу, ночью, через поля. Пришла она на широкое поле, и тут её охватил такой холод, что она не могла идти дальше. Тогда, чтобы согреться, она достала из сумки хворост, расчистила снег и развела костер.

Но не успели хворостинки разгореться, как из них выскочили домовята, совсем как из домашнего очага!

Они выскочили из огня и понеслись по снегу, а искры разлетались от них во все стороны в ночи.

*Тотчас же Крошка Тинтилинч
взобрался на куст боярышника, свистнул...*

Бедная старушка была так счастлива, что чуть не заплакала от радости, потому что они не бросили её в горе. А домовята толпились вокруг неё, смеялись и пересвистывались.

— Ох, дорогие домовята, — сказала мать, — я не хочу, чтобы меня сейчас развлекали, лучше помогите мне в тяжёлом горе!

Она рассказала им, как её глупый сын ещё больше озлобился на неё с тех пор, как он сам и все жители деревни узнали, что у его жены и вправду змеиный язык:

— Он прогнал меня. Помогите мне, если можете.

Какое-то время домовята молчали, их маленькие башмачки постукивали по снегу, и они не знали, что посоветовать.

Наконец Крошка Тинтилинич сказал:

— Пойдём к Стрибору, нашему хозяину. Он всегда знает, что делать.

И тотчас же Крошка Тинтилинич взобрался на куст боярышника, свистнул, и из темноты по скошенному полю к ним рысцой устремились олень и двенадцать белок!

Они посадили старую мать на оленя, а сами сели на двенадцать белок и отправились в лес Стрибора.

И они поскакали в ночь. У оленя были большие развесистые рога со множеством кончиков, и на конце каждого кончика горела маленькая звёздочка. Олень освещал дорогу, а по его пятам мчались двенадцать белок, у каждой из которых глаза сияли, как два бриллианта. Они мчались и мчались, а далеко позади них бежали запыхавшиеся невестка с мужем.

Так они добрались до леса Стрибора, и олень понёс старуху через лес.

Даже в темноте невестка знала, что именно в этом лесу её однажды уже заколдовали за грехи. Но она была так полна злобы, что не могла ни думать о своих новых грехах, ни испытывать из-за них страха, а только ещё больше торжествовала и думала: «Конечно, простодушная старуха погибнет в этом лесу среди колдовства!» — и ещё быстрее бежала за оленем.

И вот олень довёз мать до Стрибора.

Стрибор был властелином того леса. Он жил в самом его сердце, в дубе, таком огромном, что в нём хватало места для семи золотых замков и деревни, обнесённой серебряной оградой. Перед лучшим из замков сидел на троне сам Стрибор, облачённый в алый плащ.

*Олень освещал дорогу, а по его пятам мчались двенадцать белок,
у каждой из которых глаза сияли, как два бриллианта.
Они мчались и мчались...*

— Помогите этой старушке, которую губит змея-невестка, — обратились домовята к Стрибору, после того как они и мать низко склонились перед ним.

И они рассказали ему всю историю. А сын и невестка подкрались к дубу и стали подсматривать и подслушивать через червоточину, чтобы узнать, что будет дальше.

Когда домовята закончили, Стрибор сказал старушке:

— Ничего не бойся, старая мать! Оставь невестку в покое. Пусть она продолжает творить зло, пока оно не приведёт её в то состояние, из которого она слишком рано освободилась. Что же касается тебя, то я легко могу помочь тебе. Взгляни на ту деревню, обнесённую серебряной оградой.

Мать посмотрела, и о чудо! Это была её родная деревня, где она жила в детстве и молодости, и в деревне царили праздник и веселье. Звонили колокола, играли скрипки, развевались флаги и звучали песни.

— Пройди через ворота в ограде, хлопни в ладоши, и ты сразу же вернёшь себе молодость. Ты останешься в родной деревне и будешь снова молодой и весёлой, как пятьдесят лет назад, — сказал Стрибор.

При этих словах старуха обрадовалась, как никогда в жизни. Она подбежала к ограде и уже протянула руку к серебряным воротам, как вдруг вспомнила о чём-то и спросила Стрибора:

— А что будет с моим сыном?

— Не думай об этом, старушка! — ответил Стрибор. — Ты ничего не будешь знать о своём сыне! Он останется в настоящем времени, а ты вернёшься в свою молодость. Ни о каком сыне ты ничего не будешь помнить!

Услышав это, старуха призадумалась. Затем она медленно отошла от ворот, вернулась к Стрибору, низко склонилась перед ним и сказала:

— Я благодарю вас, добрый господин, за все те милости, которые вы мне оказали. Но лучше я буду жить в несчастье и знать, что у меня есть сын, чем вы дадите мне все богатства и счастье на свете, но я забуду сына.

Как только мать произнесла эти слова, весь лес зашумел. Волшебству в лесу Стрибора пришёл конец, потому что мать предпочла свои горести всем радостям этого мира.

Весь лес затрясся, земля провалилась, и огромный дуб с его замками и деревней с серебряной оградой погрузился под землю. Стрибор и домовята исчезли, невестка издала вопль, превратилась в змею и уползла в нору, а мать и сын остались одни посреди леса.

Сын упал на колени перед матерью, поцеловал подол её одежды и рукав, а потом поднял её на руки и понёс домой, куда они счастливо добрались к рассвету.

Сын молил Бога и свою мать простить его. Бог простил его, а мать никогда и не сердилась на него.

Позже юноша женился на той бедной, но милой девушке, которая привела домовят в их дом. Они все трое счастливо живут вместе и по сей день, а зимними вечерами Крошка Тинтилинич любит навещать их очаг.

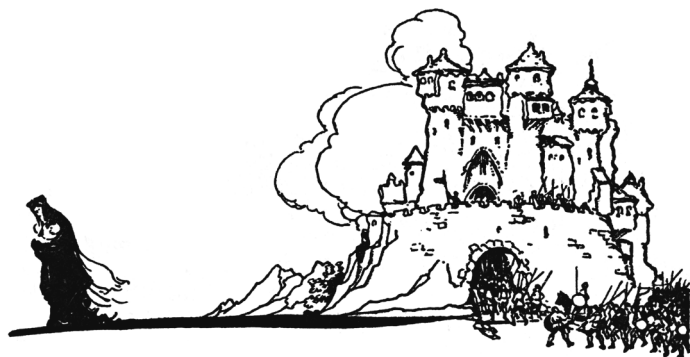

Младший
братик Ягленац
и
сестра Рутвица

I

Однажды крепость мудрой и благородной княгини подверглась нападению злых врагов. Она не смогла достаточно быстро собрать большую и верную армию для её обороны и ночью бежала с маленьким княжичем на руках.

Она бежала всю ночь, и на рассвете они достигли подножия ужасной горы Китеж¹, которая находилась на границе княжества.

В то время уже нигде в мире больше не водились ни драконы, ни феи, ни ведьмы, ни какие-либо другие чудовища. Святой Крест и человеческий разум изгнали их. Но в твердых горы Китеж нашел убежище последний из огненных драконов, и семь фей-зарочниц² ухаживали за ним. Вот почему гора Китеж была такой мрачной. А у подножия горы лежала безмятежная долина. Там в маленькой хижине из ивовых прутьев жила пастушка Милойка и ухаживала за своим стадом.

В эту самую долину на рассвете и пришла княгиня с сынком, и когда она увидела Милойку, сидящую на пороге хижины, то подошла к ней и попросила:

— Спрячь меня и маленького княжича в своей хижине на весь день. С наступлением ночи я с княжичем отправлюсь дальше.

Милойка радушно приняла беглецов, напоила их овечьим молоком и надёжно спрятала в хижине.

---

¹ Русский писатель Мережковский упоминает таинственный город *Китеж*, озеро Светлояр (последнее название вполне может означать Святое озеро) и необитаемый лес, который раньше населяли всевозможные чудовища.

² *Фей-зарочница* — в народе это прозвище «змея-зарочница» применяется к змеям, которые, как предполагали, дали осенью зарок (обет) не ложиться спать на зиму, пока не убьют кого-нибудь.

Близился вечер, и добрая и благородная княгиня сказала:

— Мне с княжичем пора в путь. Не возьмёшь ли ты мой золотой пояс и маленький золотой крестик княжича на красной ленточке? Если наши враги настигнут нас, они сразу узнают нас по поясу и крестику. Положи эти две вещи рядом и береги их хорошенько. Когда мои верные полководцы соберут армию и прогонят врага, я вернусь в свой замок, и там ты станешь моей дорогой подругой и спутницей.

— Я не могу быть вашей спутницей, благородная княгиня, — сказала Милойка, — ибо я не ровня вам ни по рождению, ни по разумению. Но я позабочусь о поясе и крестике, потому что во время настоящей печали и беды сердце нищего может быть спутником сердца княгини.

Сказав это, Милойка взяла из рук княгини пояс и крестик на хранение, а княгиня взяла маленького княжича на руки и ушла с ним в ночь, которая была так темна, что нельзя было отличить траву от камня, поле от моря.

II

Прошло много лет, но княгиня так и не вернулась ни в свои земли, ни в свой замок.

Её великое войско и её прославленные полководцы оказались предателями и перешли на сторону врагов. И вот враги завоевали земли доброй и благородной княгини и обосновались в её замке.

Никто не знал и не мог узнать, что стало с княгиней и маленьким княжичем. Скорее всего, бегство в ту тёмную ночь закончилось тем, что она упала в море или в пропасть или погибла вместе с ребёнком каким-то другим образом.

Пастушка Милойка верно хранила золотой пояс княгини и маленький золотой крестик княжича.

Самые умные и богатые парни деревни приходили просить Милойку выйти за них замуж, потому что золотой пояс и маленький золотой крестик на красной ленточке стоили целых десять деревень. Но Милойка не хотела брать их в мужья, говоря им: «Ты пришёл из-за золотого пояса и маленького крестика, но они

не мои, и я должна заботиться о них лучше, чем о своих овцах или хижине».

Так отвечала Милойка и выбрала себе в мужа безродного и кроткого юношу, которому не было никакого дела до золотого пояса и крестика.

Жили они в большой бедности, порой в доме не было ни хлеба, ни еды, но ни разу они не подумали продать ни пояс, ни крестик.

Через несколько лет муж Милойки заболел и умер, а вслед за тем и на Милойку навалилась тяжёлая болезнь, и она поняла, что тоже скоро умрёт. Тогда она позвала двух своих детей, маленькую дочку Рутвицу и ещё более маленького сына Ягленаца¹, и подарила им по оберегу. На талии Рутвицы она повязала золотой пояс, а на шею Ягленаца повесила золотой крестик на красной ленточке. И сказала Милойка:

— Прощайте, дети мои! Вы останетесь совсем одни в этом мире, а я вас не научила ничему особенному, но с Божьей помощью будет вам достаточно и того, чему научила. Держитесь друг друга и свято храните то, что я вам передала, и тогда я всегда буду с вами.

Мать сказала эти слова и умерла.

Рутвица и Ягленац были такими маленькими, что не знали, откуда у матери пояс и крестик, и ещё меньше понимали значение материнских слов. Они просто сидели бок о бок со своей покойной матушкой, две бедные маленькие сиротки, и не знали, что им делать.

Вскоре пришли добрые люди из деревни и сказали, что Милойку похоронят на следующий день.

III

Но это было не единственное, что произошло на следующий день. Когда жители деревни вернулись с похорон, они ушли в хижину посудачить, и только Рутвица и Ягленац остались на улице, потому что всё ещё верили, что их матушка ещё как-нибудь вернётся к ним.

Вдруг с неба на них набросился огромный орёл, сбил Рутвицу с ног, поймал её когтями за пояс и унёс в облака.

---

¹ *Рутвица и ягленац* — это название растений рута и примула.

Орёл улетел вместе с Рутвицей в свою обитель, расположенную высоко на горе Китеж.

Рутвица повисла на своём золотом поясе, и ей было совсем не страшно лететь. Она только жалела, что рассталась с единственным братиком, и всё думала: «Почему орёл не забрал и Ягленаца»?

И вот они летят над горой Китеж, и там Рутвица вдруг увидела то, чего не видели ни она, ни кто-либо другой из жителей долины, потому что все избегали этих мрачных гор, а из тех, кто случайно забредал туда, ни один не вернулся обратно. А увидела она вот что: все семь фей-зарочниц, которые служили огненному дракону, собрались вместе на скале. Они называли себя зарочницами, потому что дали зарок, как последние из рода фей, отомстить всему роду человеческому.

Феи посмотрели вверх и увидели орла, несущего маленькую девочку. Феи и орлы давным-давно договорились между собой, что все приносят свою добычу на эту скалу, а там решают, что с ней делать дальше. И по этой причине скалу называли — Раздел добычи.

И вот феи крикнули орлу:

— Эй, брат Кликун! Садись на Раздел добычи!

Но, к счастью, договор на проверку оказался не надёжнее, чем его участники.

Орлу Кликуну приглянулась Рутвица, поэтому он не выполнил условия договора и не стал садиться на скалу Раздел добычи, а понёс Рутвицу в своё гнездо — орлятам на забаву.

Но ему пришлось лететь прямо через вершину Китежа, потому что его гнездо находилось на дальнем склоне.

На вершине горы было озеро, а на озере — остров, и на острове стояла маленькая старая часовня. Вокруг озера был маленький луг, а по всему лугу проходила борозда, прочерченная в давние времена. Через эту борозду не могли пройти ни дракон, ни феи, ни любое чудовище Китежа. Около озера благоухали цветы — там укрывались голуби и соловьи, и все нежные создания горы.

Ни тучи, ни туман не висели над священным, окружённым бороздами озером, но всегда солнце и луна поочередно проливали на него свой свет.

Когда Кликун вместе с Рутвицей летел над озером, она увидела часовню. И когда она увидела часовню, то вспомнила о своей

*Семь фей-зарочниц, которые служили огненному дракону,
собрались вместе на скале.*

матушке, и когда она вспомнила о своей матушке, то прижала руку к сердцу, и когда она прижала руку к сердцу, то у неё развязался золотой пояс, надетый её матушкой.

Пояс развязался, Рутвица выпала из орлиных когтей прямо в озеро, а пояс — за ней. Девочка схватила золотой пояс и, пробираясь через камыши, кувшинки и водоросли, добралась до острова. Там она присела на камень у часовни. А Кликун в гневе полетел дальше, как вихрь, потому что не мог приблизиться к Святому озеру.

И вот Рутвица оказалась в полной безопасности, ведь ничто дурное не могло проникнуть к ней через борозду. Но что толку, если бедное дитя осталось совсем одно на вершине мрачной горы Китеж, и никто не мог к ней прийти, а она не могла выбраться?

IV

В это время жители деревни, выйдя из хижины, заметили, что орёл унёс Рутвицу. Сначала все они разрыдались, но потом один из них сказал:

— Люди добрые, это очень хорошо, что орёл унёс Рутвицу. Трудно было бы найти в деревне человека, который мог бы взять на себя заботу о двух детях. А вот для одного Ягленаца мы легко найдем приёмных родителей.

— Да, да, — тут же согласились остальные, — так будет лучше. Мы легко присмотрим за Ягленацем.

Они ещё немного постояли у хижины, глядя в ту сторону, где в небе исчез орёл с Рутвицей, а потом вернулись в хижину, чтобы выпить и поговорить, все время повторяя:

— Среди нас наверняка все будут рады взять Ягленаца к себе.

Так они говорили. Но ни один из них не беспокоился даже предложить мальчику попить воды, хотя было очень жарко. Ягленац захотел пить и пошёл просить воды. Но он был таким крохотным, что никто из жителей не мог понять, что он говорит. Ягленац хотел, чтобы кто-нибудь принёс ему его маленькую деревянную кружку, но ни один из этих людей не знал, что маленькая деревянная кружка Ягленаца находилась за балкой.

Увидев всё это, Ягленац оглядел комнату, а потом подумал: «Ничего хорошего меня здесь не ждёт. Я остался совсем один в этом мире». Он наклонился к кувшину, стоявшему на полу, выпил столько воды, сколько смог, а затем отправился на поиски старшей сестры Рутвицы.

Он вышел из дома и направился за солнцем — в ту сторону, в которую орёл унёс Рутвицу.

V

Солнце обыкновенно садилось за горой Китеж, и Ягленац, всегда следивший за солнцем, вскоре оказался на ней. Рядом с ним не было никого, кто мог бы сказать ему: «Не ходи на гору, дитя! Гора полна ужасов». И вот он, бедный глупый малыш, стал подниматься на гору Китеж.

Но Ягленац не знал, что такое страх. Мать оберегала его, как цветок перед алтарём, и ни одна, даже самая маленькая беда его ни разу не коснулась — он ни разу не укололся шипом, не испугался грубого слова.

И потому никакой страх не мог проникнуть в сердце Ягленаца, что бы ни видели его глаза и ни слышали уши.

Тем временем Ягленац забрался высоко в гору и уже достиг первых скал.

Там, под скалой Раздел добычи, собрались феи-зарочницы и громко обсуждали, как Кликун их обманул. Вдруг они увидели малыша, который направлялся к ним, взбираясь на гору. Зарочницы были в восторге — с таким маленьким ребёнком будет легко разобратся!

Когда Ягленац подошел ближе, феи спустились ему навстречу. В мгновение ока они окружили его. Ягленац только удивился, когда увидел, что к нему приближается столько девиц, у каждой из которых было по паре огромных крыльев! Одна из зарочниц подошла к ребёнку вплотную, чтобы взять его за руку.

Ягленац всегда носил на шее маленький золотой крестик. Когда фея увидела крестик, она закричала и отскочила от мальчика, потому что не могла прикоснуться к нему из-за этого крестика.

Но феи не собирались так легко отпускать ребёнка. Они вились вокруг него кругами и тихонько советовались, что с ним делать.

Сердце маленького Ягленаца было безмятежно. Феи совещались, и мысли их были так черны, что вырывались наружу в виде облака чёрных лесных ос, жужжащих вокруг их голов. Но мальчик просто смотрел на них, и, поскольку он не видел в них ничего плохого, ему было совсем не страшно. Напротив, крылья одной из фей-зарочниц привлекли его внимание, и когда она громко захлопала ими, он подбежал к ней, чтобы посмотреть, какие они на самом деле.

«Это очень кстати, — подумала фья-зарочница. — Я не могу его трогать, но я заману его в волчью яму».

Неподалёку была яма, прикрытая ветвями так, что её не было видно, а дно ямы было усеяно страшными колючками и шипами. Тот, кто наступал на ветки, непременно проваливался и погибал на шипах.

И вот фья-зарочница заманила Ягленаца к волчьей яме: она постоянно ускользала от него, а он всё время шёл за ней, чтобы рассмотреть, какие у неё крылья. Наконец они добрались до ямы — фья пролетела над ней, но бедный маленький недотёпа Ягленац наступил на ветки и упал в яму.

Зарочницы вскрикнули от радости и поспешили к яме, чтобы увидеть, как ребёнок погибнет на шипах.

Но что феи знают о детях!

Ягленац был лёгким, как цыплёнок. Некоторые сучья и ветки упали вместе с ним и закрыли часть шипов, а мальчик был таким маленьким и невесомым, что улёгся на листья веток, как на постель.

Когда Ягленац обнаружил, что лежит на чём-то мягком, он подумал: «Наверное, мне пора спать». Он положил свою маленькую ручку под голову и крепко заснул, не думая о том, что попал в глубокую яму и не сможет из неё выбраться.

Вокруг него оставалось ещё много острых шипов, и злые феи то и дело наклонялись над ямой. Но Ягленац спал безмятежно и спокойно, как будто его уложили на сладкий базилик. Малыш совсем не шевелился, ведь матушка учила его: «Когда ты ложишься в кроватку, дорогой, закрывай глазки и лежи тихо, чтобы не напугать своего ангела-хранителя».

Феи стояли вокруг ямы и видели, что малыш спит, словно маленький королевич в золотой кровати. «С этим ребёнком, оказывается, не так-то просто справиться», — говорили между собой зарочницы. И полетели они к скале Раздел добычи и стали советовать, как им убить его, ведь они не могли прикоснуться к нему из-за маленького крестика.

Они спорили и спорили, и наконец у одной из зарочниц появилась дельная мысль.

— Мы поднимем бурю, — сказала она, — мы вызовем страшный дождь. С горы хлынет поток, и ребёнок утонет в яме.

— У-у-у, у-у-у! — одобрительно загудели феи-зарочницы.

Они захлопали крыльями от радости и тут же поднялись в воздух и стали летать над горой, чтобы нагнать тучи и поднять бурю.

VI

На вершине горы на маленьком островке на Святом озере жила маленькая Рутвица. Вокруг неё порхали прекрасные бабочки, они даже садились ей на плечи, а серая голубка приводила к ней на колени своих птенцов, чтобы она покормила их семенами. Над Рутвицей склонился дикий малинник, она ела его пунцовые плоды и ни в чём не нуждалась.

Но она была совсем одна, бедное дитя! И на душе у неё было грустно, потому что она считала, что навсегда рассталась с Ягленацем, своим единственным братиком, и, кроме того, думала: «Не забыл ли кто-нибудь дать ему попить или уложить спать?»

Поглощённая этими печальными мыслями, Рутвица посмотрела на небо и увидела, что вокруг горы клубился туман, чёрный, как ночь. Над ней и над окружённым священной бороздой озером ярко светило солнце, но по ту сторону борозды собирался туман, кружились тёмные облака, поднимавшиеся и опускавшиеся, как дымная пелена, и то и дело из мрака вырывались огненные вспышки.

Это зарочницы, хлопая своими огромными крыльями, нагнали на гору чёрные тучи, и именно из их глаз в темноту устремлялись огненные молнии. Вдруг загремел страшный гром — на гору обрушился ливень, а зарочницы завывали и закружились в воздухе среди туч.

Когда Рутвица увидела это, она подумала: «Над моей головой светит солнце, и мне не грозит никакая беда. Но, возможно, на горе есть кто-то, кому в такую бурю нужна помощь».

И хотя Рутвица считала, что на горе нет ни одной христианской души, она всё же поступила так, как учила её матушка на случай бури, — перекрестилась и помолилась. А поскольку в разрушенной часовне всё ещё висел колокол, Рутвица взялась за веревку и стала звонить в него в защиту от бури. Девочка не знала, за кого она молится и для кого звонит, но звонила, чтобы помочь всем, кто мог оказаться в беде.

Когда так неожиданно зазвонил колокол на острове, молчавший целых сто лет, феи испугались там, в облаках, — они сначала забеспокоились и растерялись, а потом перестали поднимать бурю и в ужасе разбежались во все стороны. Зарочницы спрятались под скалами, под утёсами, в дуплах деревьев или в папоротниках.

Через некоторое время гора очистилась от туч, и солнце засияло там, где уже сто лет не было солнечного света.

Засияло солнце, и дождь мгновенно прекратился. Но для бедняжки Ягленаца опасность ещё не миновала. Из-за сильного ливня на горе образовался большой поток, и бурная вода стремительно неслась к той самой яме, где спал Ягленац.

Он не слышал ни грозы, ни грома, а теперь не слышал и шума потока, который с ужасающей скоростью нёсся к нему, чтобы утопить.

Вода хлынула в яму, хлынула и в мгновение ока захлестнула ребенка. Ничего не было видно — ни ямы, ни шипов, ни Ягленаца, ничего, кроме бурной воды, несущейся с горы.

Когда поток хлынул в яму, он закружился, забурился на дне, и вдруг вода вернулась обратно, подняла сучья и ветки, а с ними и маленького Ягленаца. Она подняла его прямо из ямы и понесла вниз по склону.

Поток был так силен, что уносил огромные камни и древние дубы, катя их за собой, и ничто не могло их остановить, потому что они были тяжёлыми и крепкими, а поток — свирепым. Но крошечный Ягленац на своей ветке плыл по течению легко, словно бутон белой розы, так что его мог остановить любой куст.

И в самом деле, на пути оказался куст, и ветка с Ягленацем зацепилась за него. Мальчик проснулся, ухватился своими маленькими

ручками за ветку, забрался на куст и там уселся на его верхушке, совсем как маленькая птичка.

Над Ягленацем светило ясное ласковое солнце, внизу пенилась бурлящая вода, а он сидел на кусте в маленькой белой рубашонке и удивленно тёр глаза, потому что не мог понять, что случилось и что его так внезапно разбудило.

К тому времени, когда он закончил протирать глаза, вода ушла вниз по склону, а поток исчез. Ягленац смотрел, как хлупает и колыхается грязь вокруг куста, а потом слез с него и подумал: «Пожалуй, мне пора идти дальше, раз уж кто-то меня разбудил».

И он пошёл вверх по склону. Он так чудесно выпался, что чувствовал себя очень бодрым и счастливым и думал: «Теперь я точно найду Рутвицу».

VII

Не успел колокол затихнуть, как зарочницы воспряли духом. Они набрались храбрости и вылезли из своих укрытий. Когда они выбрались наружу, на горе сияло солнце, а злые феи ничего на свете не боятся так сильно, как солнечного света. И так как они не могли в спешке окутать всю гору маревом, каждая из них быстро завернулась в свой клубок тумана и полетела к яме, чтобы убедиться, что Ягленац утонул.

Но когда они добрались до ямы и заглянули в неё, яма была пуста — Ягленац исчез из неё!

Феи с досадой закричали и оглядели всю гору, пытаясь понять, не разбила ли вода мальчика о скалы. Но когда зарочницы пригляделись, то увидели совсем другое: Ягленац беззаботно шёл своей дорожкой, — солнце сушило на спине его крохотную рубашонку, а он, как все маленькие дети, напевал что-то себе под нос.

— Если так пойдёт и дальше, это дитя сбежит от нас, — жалобно всхлипывала одна из зарочниц. — Он сильнее нас. Не лучше ли нам попросить огненного дракона помочь нам?

— Не позорьтесь, сёстры мои, — сказала другая зарочница. — Мы и сами можем одолеть немощного ребёнка.

Так думала эта фея, но она не знала, что Ягленац в своей простоте был сильнее всего зла и всего коварства на горе Китеж.

— А давайте пошлём медведицу, чтобы она убила ребёнка за нас, — предложила одна из зарочниц. — Глупые животные не боятся крестика.

И она тут же улетела в медвежью берлогу. Там лежала медведица и играла со своим детёнышем.

— Беги, Медунка¹, по этой тропинке. По ней идёт дитя. Дождись его и убей, Медунка дорогая, — сказала зарочница.

— Я не могу оставить своего детёныша, — ответила Медунка.

— Я позабавлю его вместо тебя, — сказала зарочница и тут же принялась играть с медвежонком.

Медунка пошла по указанной тропинке, и тут же на ней появился Ягленац.

Большая медведица поднялась на задние лапы, вытянула передние и двинулась к ребёнку, чтобы убить его.

На медведицу было страшно смотреть, но Ягленац не видел в ней ничего страшного и лишь думал: «Вот кто-то идёт и протягивает мне руки, значит, и я должен протянуть ему свои».

Поэтому Ягленац поднял свои маленькие ручонки и протянул их Медунке, а затем подошёл к ней, как будто матушка позвала его в свои объятия.

Ещё мгновение, и страшная медведица поймала бы его. Она уже подошла к нему и, если бы он попытался бежать, схватила бы и убила его сразу. Но она решила обдумать, как лучше его схватить. Вот она приподнялась, посмотрела на Ягленаца справа и слева и собралась наброситься.

Но в этот самый момент в берлоге завизжал медвежонок. Его ужалила одна из чёрных ос, которые всегда кружат над головой зарочниц. Медвежонок жалобно завыл, потому что, хотя медвежий род — род злобный, сами они не потерпят злобы от кого бы то ни было. И когда медвежонок завизжал во весь голос, тогда Медунка, услышав плач своего малыша, напрочь забыла о Ягленаце! Она опустилась на четвереньки и в ярости бросилась обратно в берлогу.

Разъярённая медведица схватила зарочницу за волосы огромной лапой, и они дрались, катались и рвали друг друга, оставив Ягленаца в покое.

---

¹ *Медунка* — здесь медведица, от слова «мёд».

Ягленац, который последовал за медведицей, некоторое время смотрел, как они дерутся. Он смотрел, смотрел, потом громко рассмеялся, — глупый ребёнок, — и продолжил взбираться на гору, так и не узнав, каким чудом избежал неминуемой гибели!

VIII

И снова зарочницы собрались на скале Раздел добычи, чтобы обсудить, что делать с Ягленацем. Они поняли, что слабее его.

Кроме того, им надоело летать на эту скалу и обратно и совещаться о Ягленаце, и они очень рассердились.

— Что ж, давайте мы отравим ребёнка. Ни заклинания, ни хитрость ему теперь не помогут, — решили они.

И тут же одна из них взяла деревянную тарелку и поспешила на горный луг собирать ядовитые ягоды.

А Ягленац, даже не помышляя о том, чтобы кто-то думал или беспокоился о нём, весело шагал по горе, тихонько воркуя про себя, как голубок.

Вскоре он пришёл на ядовитый луг. Тропинка проходила как раз посередине луга. По одну сторону тропинки луг был усыпан красными ягодами, а по другую — чёрными. И те, и другие были ядовитыми, и кто бы ни съел ту или эту ягоду, он непременно умирал.

Но откуда Ягленацу было знать, что в мире существует такая вещь, как яд, если он никогда не знал никакой другой еды, кроме той, что давала ему матушка?

Ягленац был голоден, и ему приглянулись красные ягоды на лугу. Но тут он увидел, что кто-то впереди на красной стороне собирает ягоды и, похоже, очень торопится, потому что не поднимает головы. Это была фея-зарочница, и она собирала красные ягоды, чтобы отравить его.

«Это её сторона», — подумал Ягленац и двинулся к чёрным ягодам, потому что его учили не брать принадлежащее другому.

Он сел подле чёрных ягод и стал есть, а фея ушла далеко-далеко, собирая красные, и не заметила, что Ягленац уже пришёл на луг.

Когда Ягленац наелся досыта, он поднялся, чтобы идти дальше. Но, о Боже! Перед глазами у него всё поплыло, голова ужасно разболелась, а земля, казалось, качалась под ногами.

Виной всему был чёрный яд.

Бедняжка маленький Ягленац! Ведь он не знал ни заклинаний, ни хитростей, и как же ему спастись от новой опасности?

Ягленац упорно сопротивлялся, ведь ему казалось, что ничего страшного нет в том, что перед его глазами всё плывёт, а под ногами качается земля!

И вот он подошёл к фее, которая собирала красные ягоды. Зарочница заметила Ягленаца и тут же выбежала на тропинку перед ним с тарелкой красных ягод. Она поставила перед ним тарелку и знаками пригласила его есть.

Фея не знала, что Ягленац уже полакомился чёрными ягодами, а если бы знала, то никогда бы не предложила ему красных, а позволила бы ему умереть от чёрного яда.

Ягленац не хотел больше есть ягоды, потому что у него ужасно болела голова, но матушка часто говаривала ему: «Ешь, дорогой, всё, что я тебе предложу, и не огорчай свою матушку».

Это не было ни заклинанием, ни хитростью, которым научила Ягленаца его матушка. Но в добрый час Ягленац поступил так, как учила его мать.

Он взял тарелку и съел красные ягоды, и пока он ел, перед его глазами всё прояснялось, голова и сердце перестали болеть, и земля больше не качалась под ногами.

Красный яд убил чёрный в венах Ягленаца. Он весело хлопнул в ладоши и отправился в путь, звонкий, как колокольчик, и счастливый, как кузнецик. И вот уже впереди показалась вершина горы, и Ягленац подумал: «Это конец мира. За вершиной больше ничего нет. Там я точно найду дорогую сестричку Рутвицу».

IX

Не веря своим глазам, зарочница смотрела вслед Ягленацу, а он всё шагал и шагал, и страшный яд не причинял ему никакого вреда!

Она смотрела и смотрела, а потом вскрикнула от ярости. Она не могла понять, каким чудом Ягленацу удалось спастись. Всё, что она видела, — это то, что ребёнок ускользнул из её рук и почти добрался до Святого озера, ведь он почти достиг вершины горы.

У феи не было времени лететь к скале Раздел добычи и советоваться с сёстрами. Во время настоящей беды никто не устраивает совещаний. Она сразу же полетела к своему названому брату, громогласной птице Букач¹.

Гнездо его находилось в небольшом горном болоте, недалеко от борозды, которая огибала священное озеро. Поскольку он был злой птицей, он тоже не мог пересечь борозду, но злые твари горы назначили ему место здесь, на границе, чтобы он мог нарушать покой озера своим криком.

— Родич, братец Букач, — крикнула фея-ответчица, — по тропинке идёт ребёнок. Задержи его здесь, у борозды, своим криком, чтобы он не убежал от меня через борозду к озеру. А я пока полечу за огненным драконом.

Не успела зарочница произнести эти слова, как стремглав понеслась вниз с горы за огненным драконом, который спал в глубокой ложбине.

Что касается Букача, то он всегда с нетерпением ждал, когда его попросят кричать: «Бум, бум!» — потому что ужасно гордился своим громким голосом.

Сгущались сумерки. Наступал вечер. Все ближе и ближе к борозде приближался Ягленац. За бороздой виднелось озеро, а на озере белела часовня.

«Вот я и на краю света, осталось только пересечь эту борозду», — подумал Ягленац.

Внезапно гора огласилась ужаснейшим криком, так что ветви закачались, листья на деревьях затрепетали, а скалы эхом отозвались в самой глубокой пещере. Это был крик птицы Букач.

Его крик был ужасен. Он мог бы напугать самого великого Скандербега, ибо напомнил бы тому грохот турецких пушек.

Но это ничуть не испугало маленького невинного Ягленаца, на которого ещё никогда не кричали в горе или в гневе.

Ягленац услышал, как что-то закричало так, что задрожала сама гора, и отправился посмотреть, что же это такое. Когда он добрался до места, то увидел птицу размером не больше курицы!

Птица окунула клюв в лужу, потом задрала голову, раздула горло, как мехи, и закричала. Боже, она закричала так, что у Ягленаца

---

¹ *Букач* — крикун. Имя птицы происходит от *buk* — шум, крик.

затрепетали рукава! Это новое чудо так увлекло мальчика, что он присел, чтобы издали посмотреть, как кричит птица Букач.

Ягленац присел чуть ниже священной борозды рядом с птицей Букач и заглянул ему под горло, — потому что к этому времени уже стемнело, — чтобы лучше видеть, как оно раздувается.

Будь Ягленац мудрее, он не стал бы задерживаться на горе прямо у борозды, где каждая злая тварь могла причинить ему вред, а сделал бы один шаг через борозду, куда злые твари не могли бы проникнуть, и оказался бы в полной безопасности.

Но Ягленац был всего лишь маленьким мальчиком и легко мог попасть в беду рядом с безопасным местом.

Букач очень забавлял Ягленаца. Мальчик был очарован и заворужен. А пока он так развлекался, фея полетела и разбудила огненного дракона, который спал в глубокой ложбине.

Она разбудила его и повела на гору. Впереди шёл страшный огненный дракон, извергая пламя из обеих ноздрей и круша на своём пути ели и сосны, а позади летела фея. В лесу и на горе ему не хватало места.

Почему бы тебе не побежать, малыш Ягленац? Один прыжок через борозду, и ты будешь счастлив в безопасности!

Но Ягленац и не думал убегать. Он продолжал спокойно сидеть под бороздой, а когда увидел, как в темноте вспыхнуло пламя дракона, подумал про себя: «Что это там так красиво сверкает?» Это был безжалостный огонь, идущий, чтобы пожрать Ягленаца, но он, глупый малыш, сидел и смотрел на него, радуясь и удивляясь.

Зарочница заметила Ягленаца и сказала огненному дракону:

— Вот и ребёнок, огненный дракон! Приготовь своё лучшее пламя!

Но дракон задыхался от трудного подъёма.

— Подожди минутку, сестрица, дай дух перевести, — ответил он.

И вот дракон глубоко вздохнул раз, другой, третий — тут-то он и допустил оплошность!

Потому что его могучее дыхание вызвало на горе сильный ветер. Ветер пронёсся над Ягленацем и перебросил его через борозду прямо к Святому озеру!

Фея-зарочница вскрикнула, бросилась на землю, завернулась в свои чёрные крылья и зарыдала, как безумная.

Разъярённый дракон фыркал и пыхтел, он извергал огонь, как из десяти раскалённых печей. Но пламя не могло пересечь борозду: когда оно достигало её, то поднималось прямо вверх, словно упиралось в мраморную стену.

Языки пламени трещали, вырывались из пасти и возвращались на гору Китеж. Дракон спалил половину горы, но не смог убить маленького Ягленаца!

Когда ветер резво подхватил Ягленаца, тот только посмеялся над тем, что его так быстро унесло. Он засмеялся раз, а потом засмеялся снова.

Х

На островке посреди Святого озера, рядом с маленькой часовней, сидела Рутвица.

Был вечер, но Рутвица никак не могла уснуть из-за царившей на горе суматохи. Она слышала, как завывают и визжат зарочницы, как грозно кричит птица Букач. Она слышала, как дракон с фырканием выскочил из своего логова, и видела, как он извергал огонь на всю гору.

А потом она увидела, как пылающее пламя взметнулось в небо.

Но тут она услышала что-то ещё — Боже правый! И что же она услышала? Смех, похожий на звон маленького серебряного колокольчика. Сердце Рутвицы заколотилось.

Тоненький голосок снова засмеялся.

Тогда девочка, не в силах больше терпеть, крикнула с острова:

— Кто это там смеётся?

Рутвица трепетала при мысли о том, кто может ответить.

— Кто это окликает меня с острова? — ответил маленький Ягленац.

И Рутвица узнала детский голосок Ягленаца.

— Ягленац! Мой братик родненький! — воскликнула Рутвица и встала, вся белая в лунном свете.

— Рутвица, сестрица! — воскликнул Ягленац и легко, как мотылёк, перемахнул через тростник, камыш и водоросли — на остров. Они обнялись и расцеловались. Детишки сидели бок о бок в лунном свете

у маленькой часовни — они немного поговорили, однако долго болтать не умели. Они крепко сцепились маленькими ручками и заснули.

XI

Так они стали жить день за днём на Святом озере. Ягленац был вполне счастлив и не желал ничего лучшего.

В озере была чистая вода, а на берегу росла сладкая малина. На лугу было много цветов и бабочек, а ночью — светлячков и росы. На деревьях гнездились соловьи и голуби.

Каждый вечер Рутвица стелила Ягленацу постель из листьев, а утром купала его в озере и завязывала ему маленькие башмачки. И Ягленац думал: «Зачем нам большой мир за бороздой?» У Ягленаца всего было в достатке, ведь он был всего лишь ребёнком!

И Рутвица была счастлива, но она беспокоилась о Ягленаце, о том, как ей ухаживать за ним и добывать ему пищу. Ведь Бог так устроил, что малыши никогда не могут добывать еду без помощи старших.

Так заведено во всем мире, и даже на Святом озере не могло быть иначе.

Рутвица волновалась. «Завтра Петров день. Не закончится ли малина, когда он пройдёт? Не остынет ли вода и не погаснет ли солнце, когда наступит осень? Как мы переживём зиму в одиночестве? Не развалится ли наша хижина в долине?»

Рутвица беспокоилась, а где есть беспокойство, там легче всего поддаться искушению.

Однажды она сидела и размышляла: «О, Боже! Какое это было бы счастье, если бы мы могли вернуться в нашу хижину в долине!» И тут она услышала, как кто-то зовёт её с горы. Рутвица посмотрела, а там, в лесу, на дальней стороне борозды, стояла самая младшая из фей-зарочниц.

Она была красивее других фей и любила наряды. Она заметила золотой пояс на Рутвице и захотела его больше всего на свете.

— Девонька, сестричка, брось мне свой пояс, — крикнула фея через борозду.

— Я не могу этого сделать, фея, — этот пояс достался мне от маменьки, — ответила Рутвица.

— Девонька, сестричка, это не маменькин пояс, он принадлежал княгине, а княгиня давно умерла. Бросай мне пояс, — потребовала фея, которая помнила принцессу.

— Не могу, фея, это пояс моей маменьки, — повторила Рутвица.

— Девонька, сестричка, я перенесу вас с братиком в долину, и никто вам не причинит никакого вреда, бросай мне пояс, — снова крикнула фея.

Это было весьма сильным искушением для Рутвицы, которая так хотела убраться подальше от этой горы! Но всё же она не стала отдавать маменькин оберег в дар жадной фее, а ответила:

— Я не могу, фея, пояс достался мне от маменьки.

Фея ушла очень грустная, но на следующий день вернулась и снова начала:

— Бросай мне пояс, и я уведу вас с горы.

— Я не могу, этот пояс достался мне от маменьки, — снова ответила Рутвица, и на сердце у неё стало тяжело.

Семь дней приходила фея, и семь дней она искушала Рутвицу. Искушение хуже самой грубой заботы, и бедняжка стала чахнуть, так велико было её желание спуститься в долину. Но она всё равно не хотела отдавать пояс.

Семь дней фея звала её, и семь дней Рутвица отвечала ей:

— Я не могу, этот пояс достался мне от маменьки.

И когда она ответила так на седьмой день, фея поняла, что ничего у неё не получится.

Она спустилась с горы, села внизу на самый последний камень, распустила волосы и горько заплакала — так велико было её желание заполучить золотой пояс княгини.

XII

Между тем добрая и благородная княгиня не умерла, а уже много лет жила в далёкой стране со своим сыном.

Княгиня никому не рассказывала, какой высокородной госпожой она была, а сыну было слишком мало лет во время их бегства, чтобы он мог это помнить.

Так что в той стране ни одна душа не знала, — даже княжич, — что они княжеских кровей. Но как мог кто-то сказать, что она княгиня, если у неё не было ни короны, ни золотого пояса? И хотя она была доброй, нежной и великодушной, это ещё не доказывало, что она настоящая княгиня.

Княгиня жила в доме уважаемого крестьянина, пряла и ткала для его хозяйства. Этим она зарабатывала достаточно, чтобы содержать и себя, и княжича.

Мальчик вырос высоким и красивым юношей удивительной силы и мощи, и княгиня не научила его ничему дурному.

Но одно было плохо. У княжича был очень вспыльчивый и свирепый нрав. Поэтому люди прозвали его богатырь Реля¹: он был грубым, сильным — и при этом довольно бедным.

Однажды богатырь Реля косил луг своего хозяина и в полдень прилёг в тени отдохнуть. Тут мимо проезжал юный оруженосец и крикнул Реле:

— Эй, мужлан! Вставай, беги назад по дороге и найди мою серебряную шпору, она где-то отвалилась в пути.

Когда Реля услышал это, его княжеская кровь, горячая и порывистая, разбудила в нем злобу за то, что другой потревожил его покой и посылает искать потерянную шпору.

— Клянусь небом, — вскричал Реля, — я уложу тебя прямо здесь, и ты будешь отдыхать вместо меня!

И с этими словами он бросился на юного оруженосца, стащил его с коня и швырнул в тень, где тот остался лежать, как мертвый.

Но богатырь Реля, всё ещё разъярённый, бросился домой к матери и закричал на неё:

— Несчастливая мать! Отчего ты родила меня в бедности и нужде, чтобы другие посылали меня искать в пыли шпоры для них?

Лицо Рели перекосилось от злости, когда он это говорил.

Мать посмотрела на сына, и сердце её сжалось от горя. Она поняла, что мира между ней и сыном больше не будет, потому что ей придётся рассказать ему то, что она до сих пор держала в тайне.

---

¹ *Реля* — в одной хорватской балладе упоминается некий Хреля как герой, превосходящий даже Кралевица Марка, легендарного народного защитника и борца против поработителей южнославянских народов.

— Ты не бедный мужлан, сын мой, — ответила княгиня, — а несчастный княжич.

И она рассказала Реле всё о себе и о нём.

Реля слушал, глаза его пылали необычным огнём, и он сжимал руки в лютom раздражении. Потом он спросил:

— Значит, матушка, от наших земель и богатств ничего не осталось?

— Ничего, сынок, кроме маленького крестика на красной ленточке и золотого пояса, — ответила она.

Услышав это, Реля заплакал:

— Я сейчас же пойду, матушка, и верну этот крестик и пояс, где бы они ни были! Один вид их троекратно увеличит мою княжескую силу!

А потом он спросил:

— А где ты, матушка, оставила крестик и пояс? Не отдала ли ты их главному полководцу, чтобы он охранял их и твоё огромное войско?

— Нет, сын мой, — ответила княгиня, — и хорошо, что я этого не сделала, потому что мои полководцы и моё великое войско перешли на сторону врага и теперь пируют и пьют с ним и расточают мои земли.

— Может быть, ты оставила их в самой нижней потайной комнате замка, в седьмом склепе, под семью замками?

— Нет, сын мой, и хорошо, что я этого не сделала, потому что враг проник в мой замок, взломал и разграбил все потайные комнаты, обыскал девять хранилищ и накормил своих лошадей жемчугом из моих сокровищниц, — ответила княгиня.

— Но где же ты оставила золотой пояс и золотой крестик на красной ленточке? — спросил Реля, сверкая глазами.

— Я оставила их у молодой пастушки в хижине из ивовых прутьев, где нет ни замков, ни прочных сундуков. Иди к ней, сын мой, может быть, ты всё ещё найдёшь их там.

Реля не поверил, что пояс и крестик могут быть в безопасности в бедной хижине, когда жемчуг благородной княгини оказался в опасности даже в девятом хранилище под самым надёжным замком.

Но княжеская кровь, такая гордая и властная, ещё больше разбудила ярость в жилах Рели, и он сказал матери твёрдым голосом:

— Тогда прощай, матушка! Я найду крестик и пояс, где бы они ни были, и тем, кто откажется отдать их мне, будет не до шуток! Клянусь княжеской кровью в моих жилах, я верну тебе твой пояс и крестик!

Сказав это, княжич Реля взял лезвие косы, приладил его к крепкой рукояти в кузнице, а затем поспешил в большой мир на поиски своего наследства. Земля гудела под его ногами, волосы развевались на ветру, так стремительно он шёл, а его убийственный клинок сиял на солнце, как будто был покрыт пламенем.

ХІІІ

И вот Реля шёл и нигде не останавливался. Он шёл днём, а ночью не отдыхал, и большие, и малые сторонились его.

До горы Китеж идти было далеко, но Реля без труда узнал к ней дорогу, потому что эта гора была известна во всех семи царствах своими ужасами.

В Иванов день Реля попрощался с матерью, а в Петров день достиг подножия горы.

Добравшись до места, он поинтересовался о хижине из ивовых прутьев, о пастушке Милойке и о золотом поясе и крестике.

— В долине есть такая хижина. Милойку мы похоронили в первое воскресенье после Пасхи, а пояс и крестик остались у её детей. Что же касается детей, то феи унесли их на гору Китеж, — ответили жители деревни.

Очень разгневался Реля, когда узнал, что пояс и крестик на горе Китеж. Он так разгневался, что никак не мог решить, что же ему делать в первую очередь: отправиться на гору или разузнать о замке, поскольку это было превыше всего в его желаниях.

— А где находится замок княгини? — сказал Реля.

— Вон там, в одном дне пути отсюда, — отвечали жители деревни.

— А как обстоят дела в замке? — спросил Реля, и его рука заиграла мечом. — Расскажите мне всё, что вы о нём знаете!

— Никто из нас не был в замке, потому что его хозяева отличаются невиданной жестокостью. Вокруг замка они поставили немых стражников и свирепых собак. Мы не можем пробраться мимо собак и не знаем, как договориться со стражниками, — отвечали жители деревни. — А внутри замка живут прекрасные господа, пьют красное вино в покоях, играют на серебряных лютнях и бросают друг другу золотые шары по шёлковому ковру. В большом зале двести масте-

*Реля бросился к огненному дракону,
надеясь разбудить его
и вызвать на смертный бой.*

ров вырезают из перламутра сердца для мишеней господ. И когда господа устраивают большой пир, они заряжают свои ружья драгоценными камнями и стреляют в перламутровые сердца.

Когда жители деревни рассказали ему об этом, перед глазами Рели всё поплыло, настолько он был взбешён, услышав, как бездумно растрачиваются сокровища из хранилищ его матери.

Некоторое время Реля колебался, а потом воскликнул:

— Я поднимусь на гору Китеж, чтобы добыть крестик и пояс, а затем вернусь к тебе, о, мой любимый замок!

Так воскликнул Реля, потом он взмахнул мечом над своей головой и стремительно помчался на гору Китеж. Там он нашёл великого дракона, спящего в глубокой ложбине. Видно, дракон изрядно устал, изрыгнув столько огня на Ягленаца, и теперь крепко спал, чтобы набраться сил.

Но Реле не терпелось сразиться с кем-нибудь, дабы остудить свой гнев и показать свою силу. Ему надоело, что все, и большие, и малые, постоянно ускользали с его пути, и теперь он бросился к огненному дракону, надеясь разбудить его и вызвать на смертный бой.

Реля был отважным героем, а огненный дракон — ужасным чудовищем, и поэтому их бой должен быть воспет в стихах, начиная с того места, где Реля бросился на Дракона:

Молодец Реля ударил плоским клинком
В бок дракона, дабы пробудить его ото сна.
Чудовище подняло голову, оскалилось
и увидело богатыря Релю, стоящего рядом.
Дракон вскочил, молниеносно нанес удар,
Опрокинул скалу и расширил ложбину,
Чтобы место было для битвы!
Вдруг к облакам он взмывает
И тут же вниз устремляется на молодца
И так с ним в смертный бой вступает.
Стонет земля, и раскалываются твёрдые скалы.
Клыками и пламенем бьётся дракон
И бросается на Релю огненной головой.
Но Реля ждёт его с занесённым мечом
И оружием своим сбивает пламя.

Ищет он для меча незащищенное место,
Где он сможет поразить дракона в голову.
С рассвета до полудня бушует уж битва,
И все слабее становится дракон,
Думая о позоре, который терзает его сердце,
Ведь малыш, юный Ягленац, сбежал от него!
И всё сильнее становится молодец Реля,
Ведь он сражается за своё наследство.
Когда в полдень солнце засияло над головами,
Молодец Реля взмахнул сверкающим мечом
И воззвал к небесам о помощи.
Меч опустился меж глаз дракона —
Стремительно опустился меч,
С такой силой, что рассекло зверя надвое.
В пропасть упал дракон, сражённый,
И когда он растянулся в предсмертной агонии,
Чудовищные ноги закрыли древнюю пропасть.

Так отважный Реля победил огненного дракона. Но его крепкие руки и плечи ужасно болели. И тогда богатырь сказал про себя: «Так я никогда не поднимусь на вершину горы. Надо подумать, как лучше поступить». Вернулся Реля к подножию и там уселся на камень и стал думать, как ему подняться на вершину, как одолеть чудовищ и где найти детей Милойки, а с ними золотой пояс и крестик.

Глубоко погрузился в раздумья Реля, но вдруг услышал рядом с собой чьи-то рыдания и причитания. Повернулся и увидел фею, сидящую на камне с распущенными волосами и плачущую навзрыд.

— Что с тобой, прекрасная девица? Почему ты плачешь? — спросил Реля.

— Я плачу, о, богатырь, потому что не могу забрать золотой пояс у девочки на озере, — ответила фея.

— Скажи, девица, как мне попасть на то озеро? — спросил Реля.

— А кто ты, неведомый богатырь? — ответила она.

— Я княжич Реля, и я ищу золотой пояс и крестик на красной ленточке, — ответил Реля.

Услышав это, Фея подумала в своём злом сердце: «Как же мне повезло! Пусть Реля унесёт пояс подальше от озера, а после я погублю Релю и заберу пояс себе».

И тогда хитрая фея говорила Реле такие медовые слова:

— Пойдём, благородный княжич! Я проведу тебя через гору. Никто не причинит тебе вреда, и я покажу, где живут детишки. Разве не должен ты забрать принадлежащее тебе по праву?

Так сладко говорила фея, но в душе она думала иначе. Однако Реля очень обрадовался и сразу же согласился пойти с ней на гору Китеж.

И вот они поднялись на вершину. Ни феи, ни чудовища не тронули Релю, потому что его вела юная фея-зарочница.

По дороге она наставляла Релю и пыталась разжечь в его сердце гнев.

— Видел бы ты, благородный княжич, как дерзки эти дети! Даже тебе они не отдадут пояс. Но ты богатырь превыше всех витязей, Реля, так что не позволяй им посрамить тебя.

Реля рассмеялся от мысли, что двое детей могут противостоять ему — тому, кто рассёк на две части огненного дракона!

Затем фея рассказала ему, как дети попали на вершину горы и не знают, как оттуда выбраться.

Обрадованная надеждой получить пояс, фея так разговорила, что хитрость покинула её, и она болтала с юношей, хвастаясь перед ним своими познаниями:

— Они глупые дети, лишённые всякой хитрости. Но если бы они знали то, что знаем мы, феи, они бы уже давно сбежали от нас. В часовне есть свеча и кадило. Если бы они развели огонь, который не зажигают руками, а потом зажгли свечу и кадило, они могли бы пройти с ними через всю гору, словно это церковь. Перед ними открывались бы тропинки, а деревья бы склонялись, когда они проходили мимо. Но для фей это было бы невыносимо, потому что все мы, феи и бесы горы Китеж, погибли бы, куда бы ни попал дым от свечи и кадила. Но что знают эти глупые, дерзкие дети?

Если бы фея не была так счастлива, она, конечно, никогда бы не рассказала Реле о свече и кадиле, а тщательно хранила бы тайну фей-зарочниц.

И вот они подошли к борозде, и предстало перед ними Святое озеро.

XIV

Княжич осторожно выглянул из-за дерева, и фея указала ему на детей. Реля увидел небольшую часовню на острове. Перед часовней сидела маленькая девочка, бледная, как белая роза. Она не пела и не болтала, а сидела неподвижно, сцепив руки на коленях и подняв глаза к небу.

На песочке возле часовни играл маленький мальчик, малыш Ягле-нац, а на шее у него висел маленький золотой крестик.

Он строил замки и сносил их своими крошечными ручками, а потом смеялся над своими проделками.

Реля наблюдал за ними, наблюдая, начал задумываться. Но у зарочницы не было времени ждать, пока княжич закончит обдумывать свои действия, и она тихонько обратилась к Реле:

— Я позову девочку, благородный княжич, и ты увидишь, что она не отдаст пояс, тогда достань свой отточенный меч, поднимись и возьми принадлежащее тебе, а потом возвращайся ко мне сюда, и я проведу тебя обратно по горе, чтобы мои сёстры не причинили тебе вреда.

Когда фея говорила это, она втайне радовалась, думая о том, как легко она убьёт Реля и заберёт пояс себе, лишь бы только он принёс его с озера. Но Реля лишь вполуха слушал, что говорит зарочница, потому что отрешённо смотрел на девочку.

Фея обратилась к Рутвице:

— Девонька, сестричка, брось мне пояс, и я спущу тебя и твоего брата с горы.

Когда Рутвица услышала это, её лицо стало ещё бледнее, и она ещё крепче сжала свои маленькие ручки. Ей было так плохо, что она едва могла говорить. Она бы с радостью покинула гору, ведь её маленькое сердечко разрывалось от этого желания.

Однако она всё равно не хотела расставаться с маменькиным поясом.

По лицу Рутвицы текли слёзы, она тихо плакала, но сквозь всхлипы отвечала:

— Уходи отсюда, фея, и больше не возвращайся, потому что ты не получишь пояса.

Когда Реля увидел и услышал это, его княжеская кровь, — благородная кровь, — забурлила в нём, но с благой целью.

Его охватила жалость к этим двум бедным сироткам, которые в одиночку защищались от чудовищ и соблазнов, от смерти и разрушения на страшной горе Китеж. «Великие небеса! — подумал он. — Княгиня верила в вооружённых воинов и крепости, способные защитить её земли, и эти земли были потеряны, а эти малыши остались одни в мире, они попали к феям и драконам, но ни феи, ни драконы не смогли отнять у них то, что дала им их матушка».

Лицо Рели изменилось, когда его сердце переполнилось жалостью к детям. Так переменившись, он повернулся к зарочнице.

Фея посмотрела на Реля. Зачем он поднял меч? Неужели для того, чтобы зарубить этих наглых и дерзких детей? Нет, Реля поднял меч и пригрозил им злой фее.

— Фея, уходи отсюда, как будто тебя и не было! Если бы ты не была моим проводником через гору, я бы снёс твою прекрасную голову с плеч. Не для того я родился княжичем и не для того выкопал этот могучий меч, чтобы бродить по свету, обижая обездоленных сироток!

Бедная зарочница очень испугалась. Она попятилась, а потом убежала в горы. А Реля крикнул ей вслед:

— Беги, фея! Созывай всех фей и чудовищ! Княжич Реля их не боится!

Когда фея убежала на гору, Реля перешагнул через борозду и направился к детям на острове.

Как же обрадовалась Рутвица, когда увидела, что к ним идёт юноша и смотрит на них добрыми глазами! Она вскочила на ноги и протянула обе руки, как расправляет крылья пленная птица, когда разжимаешь ладонь и выпускаешь её на свободу.

Рутвица была совершенно уверена, что Реля поднялся на вершину горы только для того, чтобы вернуть их домой в целости и сохранности. Она подбежала к Ягленацу, взяла его за руку, и ребяташки перешли через камыши к Реле по маленькому мостику, который они соорудили своими крошечными ручками.

XV

Реля был отважным богатырём, и ему было непривычно разговаривать с маленькими детьми. Но детям было ничуть не страшно разговаривать с ним, потому что они думали обо всех по-доброму, и в их сердцах не было никакого лукавства.

Ягленац взял Реля за руку и посмотрел на его огромный меч. Меч был в два раза больше Ягленаца! Он протянул вверх свою маленькую ручку, приподнялся на цыпочки и всё же едва мог дотянуться до рукояти меча. Реля наблюдал за ним: ему никогда не доводилось видеть таких крошечных ручек рядом со своей рукой. Богатырь оказался в большом затруднении — он забыл о поясе и крестике, а всё размышлял: «Что же сказать этим бедным сироткам? Они маленькие и глупые, и ничего не понимают».

Как раз в этот момент Рутвица спросила Реля:

— А как мы выберемся из гор, мил человек?

«Какая разумная девочка, — подумал Реля. — Я вот дивлюсь, какие они маленькие и глупые, и не думаю, как вызволить их из беды и спуститься с ними с горы».

Затем Реля вспомнил, что зарочница говорила ему о свече и кадиле.

— Послушай меня, малышка! Фей-зарочница отправилась звать на помощь своих сестер, и я пойду на гору, чтобы сразиться с ними. Помогите мне, Боже, одолеть фей-зарочниц, вернуться к детишкам на Святое озеро и увести их в долину. Но если феи одолеют меня, если я погибну на горе, то, ребятки, разведите огонь, зажжённый не руками, зажгите свечу и кадило, и вы перейдёте через гору, словно через церковь.

Когда Рутвица услышала эти слова, она очень опечалилась и сказала княжичу Реле:

— Вы не должны так поступать, мой господин! Что нам, бедным сироткам, делать, если вы погибнете в бою? Вы только что стали нашим защитником, и, если вы тут же покинете нас и погибнете, что нам делать? Давайте лучше сразу разожжём огонь, зажжём свечу и кадило, а вы, господин мой, отправитесь с нами в долину.

Реля очень рассердился на эти слова и сказал:

— Не говори глупостей, неразумное дитя! Не для того я родился богатырём, чтобы свеча и кадило вели меня, пока я ношу меч на боку.

— Не они поведут вас, а Божья воля и желание, — ответила Рутвица.

— Не говори глупостей, неразумное дитя! Мой меч заржавеет, если мной буду руководить свеча и кадило.

— Ваш меч не заржавеет, если вы пойдёте косить в поле и на луг.

Реля сильно взволновался. Его встревожили не столько слова Рутвицы, сколько милый, серьёзный взгляд девочки. Он прекрасно понимал, что вряд ли одолеет фей и чудовищ и, скорее всего, погибнет, если отправится сражаться с ними.

Маленький Ягленац обнял Реля за колени и ласково посмотрел на него. А княжеское сердце Рели быстро забилося в груди, и он забыл и о крестике, и о поясе, и о битве, и о замке, и только и думал, что: «Я должен защитить и спасти этих преданных сироток».

Поэтому он сказал:

— Я не стану разбрасываться своей жизнью по собственной воле. Подойдите, ребята, разожгите нерукотворный огонь, зажгите свечу и кадило, и ваши маленькие ручки поведут меня.

XVI

Прошло ещё немного времени, и на горе Китеж появилось диво дивное.

Вдоль всей горы открылась широкая тропа, а на ней росла мягкая, как шёлк, травка. По правую сторону шёл маленький Ягленац, одетый в маленькую белую рубашонку, а в руке он держал древнюю восковую свечу, которая горела спокойно и тихо потрескивала, словно разговаривала с солнцем. Слева шла Рутвица в золотом поясе и с серебряным кадилом, из которого поднималось облачко белого дыма. Между детьми шел Реля, высокий и сильный. Богатырю, при его мощи и доблести, казалось странным, что его ведут свеча и кадило, а не его собственный добрый меч. Но он ласково улыбался детям. Его большой меч висел через плечо, и он сказал ему:

— Не бойся, мой верный друг. Мы пойдём косить поле и луг, расчищать кустарник и лес, тесать стропила и возводить опоры. Солнце тысячекратно позолотит тебя, пока ты будешь добывать хлеб для этих двух сироток.

Они прошли через гору так, словно это была церковь. Тонкий дымок поднимался от свечи, и священные благовония струились из кадила.

Но горе и несчастье для зарочниц на горе Китеж! Там, где распространялись дым и запах ладана, все феи-зарочницы умирали. Каждая из них заканчивала жизнь наиболее красивым на её взгляд образом. Одна превратилась в серый камень, а затем бросилась со скалы в пропасть, где разбилась на тысячу осколков. Вторая стала багровым пламенем и тут же погасла, поднявшись в воздух. Третья растворилась в мелкой цветной пыли, рассыпавшись по камням и папоротникам.

Однако на самом деле это не имело ни малейшего значения. Так или иначе, им всем предстояло покинуть этот мир, и даже самые прекрасные способы умереть не могли этого исправить!

Так погибли все семь фей-зарочниц, и поэтому сейчас ни на горе Китеж, ни где-либо ещё в мире нет ни фей, ни драконов, ни чудовищ.

А вот Реля и дети в целости и сохранности добрались до долины, и Рутвица довела их до хижины. Только тут Реля вспомнил, зачем он поднимался на гору Китеж.

XVII

Они зашли в хижину и немного отдохнули. Рутвица, зная, где находится скромный матушкин чуланчик, принесла немного сухого сыра, и они подкрепились.

Теперь Реля ломал голову над тем, что делать с двумя сиротками. С тех пор, как они спустились в долину, мысли Рели снова стали крутиться вокруг замка и обещания вернуть матери крестик и пояс.

Поэтому Реля сказал Рутнице:

— Послушай меня, девочка: тебе и твоему брату придется сейчас отдать мне золотой пояс и крестик, потому что они принадлежат мне.

— Но мы и так принадлежим вам, мой господин, — сказала Рутвица и посмотрела на Релю с удивлением, потому что он не осознавал этого раньше.

Реля рассмеялся, а потом сказал:

— Я должен отнести пояс и крестик своей матушке.

Когда Рутвица услышала это, она вне себя от радости воскликнула:

— О, господин, если у вас есть матушка, пойдите и приведите её к нам, потому что наша умерла.

Камень бы прослезился при мысли о том, что столь прелестное дитя должно оставаться совсем одно на свете.

И снова Релю охватила жалость, да такая, что он сам едва не прослезился. Затем он попрощался с детьми и отправился за матерью.

XVIII

Прошло семь дней, прежде чем Реля вернулся к матери. Она ждала его у окна и увидела, что Реля возвращается домой без меча, крестика и пояса. Реля не дал ей времени задать вопросы, но обратился к ней ласковым голосом:

— Собирайся, матушка, и пойдём со мной, чтобы охранять принадлежащее нам.

И они вместе отправились в путь. По дороге княгиня спросила Релю, нашёл ли он крестик и пояс, собрал ли войско и отвоевал ли их замок и земли?

— Матушка, я нашёл и крестик, и пояс, но я не собирал войска и не отвоёвывал наши земли. Нам лучше обойтись без армии, матушка, ибо ты удивишься, увидев, что досталось нам с нашим наследством, — сказал Реля.

После семи дней пути они добрались до хижины, где их ждали Рутвица и Ягленац.

О, Боже мой! Как же радостно, когда добрые сердца собираются вместе! Княгиня обняла Рутвицу и Ягленаца — она целовала их щеки, очи, руки и губы и с неохотой отпустила их, так дороги они были ей, эти дети-сиротки из её утраченных земель!

XIX

Так и жили они вместе в долине, хотя маленькая хижина была для них маловата. Однако у Рели были сильные руки, и он построил им небольшой дом из камня. Жизнь их протекала без особых потрясений, но на них снизошло благословение. Ягленац присматривал за овцами и ягнятами, Рутвица — за домом и садом, княгиня пряла и шила, а Реля работал в поле.

Жители деревни узнали о мудрости княгини и силе Рели. Вскоре они заметили, как хорошо золотой пояс сидит на княгине, и, хотя никто из них никогда раньше не видел княгиню, сказали:

— Должно быть, это наша благородная княжна.

И вот они подарили Реле и княгине большой участок земли в долине и попросили Релю быть их главой во всех делах, а княгиню — советницей.

Божье благословение было на силе Рели и мудрости княгини. Вскоре их поля и луга разрослись — к ним присоединились другие деревни, а в деревнях появились сады и красивые домики.

Тем временем знатные господа в замке продолжали пьянствовать и устраивать пиры, как и прежде. Так продолжалось слишком долго, и хотя хранилища и подвалы замка были самыми богатыми в семи королевствах, после стольких лет расточительства в них не осталось драгоценных камней.

В первую очередь иссякли драгоценные камни в хранилищах сокровищ, а затем перламутр в проходах. Прошло ещё немного времени, и не стало хлеба для слуг, которые начали лениться. Наконец не стало даже мяса для злобных собак и стражников. Неверные слуги взбунтовались, собаки разбежались, а стражники покинули свои посты.

Всё это мало беспокоило благородных господ, потому что они отупели от пьянства и пиров. Но в один прекрасный день вино закончилось. Тогда они решили собраться на совет. Они встретились в большом зале и стали обсуждать, где взять вино, потому что вокруг замка все было пустынно: жители покинули поля и сады, а виноградные лозы одичали.

И стали знатные господа спорить между собой. Но мстительные и непокорные слуги подпилили стропила большого зала, и когда совещание было в самом разгаре, крыша обрушилась на них. Их погребло под обломками великой башни замка, и все они погибли.

Когда слуги слышали, как рушится башня, они тоже покинули замок.

И вот замок остался без собак, слуг и знатных господ, разрушенный, заброшенный и мёртвый.

Вскоре весть об этом разнеслась по всей стране, но ни одна душа не потрудились пойти и посмотреть, что же произошло в погибшем замке. Со всех сторон стекались люди и шли к подножию горы Китеж, чтобы умолять Релю стать их князем, потому что они слышали о его силе и храбрости и о мудрости благородной княгини. И тогда народ пообещал своими руками построить для них новый замок, прекрасный и величественный.

Реля принял предложение народа, потому что справедливо рассудил, что Бог не зря дал ему такую великую силу и мужество и избавил его от вспыльчивого и жестокого нрава — он был обязан принести пользу своей земле.

Так Реля стал князем, а княгиня дожила до глубокой старости. И вот княгиня и Реля с Рутвицей и Ягленацем впервые вошли в свой новый величественный замок; деревенские дети разбрасывали на их пути листья вечнозелёных растений и душистый базилик, а мужчины и женщины теснились вокруг княжны, хватали подол её мантии и целовали его.

Княгиня, сияя от радости, вспомнила, что, если бы не верность Рутвицы и Ягленаца, ничего бы этого не было. Она прижала детишек к груди и сказала:

— Счастлива та страна, чьи сокровища охраняют не могучие армии и не сильные города, а матери и малыши в колыбельках. Такая земля никогда не погибнет!

Когда Рутвица подросла, Реля женился на ней и никогда в мире не было княгини милее и прелестнее, чем княгиня Рутвица.

Ягленац вырос в храброго и красивого юношу. Он ездил на горячем сером коне и часто заезжал на гору Китеж, на вершине которой люди построили новую часовню у Святого озера.

СОДЕРЖАНИЕ

Как Потех правду искал	5
Рыбак Палунко и его жена.....	31
Регоч	53
Солнце-шафер и Нева-невестушка.....	77
Лес Стрибора.....	91
Младший братик Ягленац и сестра Рутвица.....	107

Ивана Брлич-Мажуранич
ХОРВАТСКИЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Том 290

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010
не требуется знак информационной продукции, так как данное издание
классического произведения имеет значительную историческую,
художественную и культурную ценность для общества

Верстка: *Андрей Кутковой*
Обработка иллюстраций: *Сергей Козлов*
Корректура: *Надежда Павленко, Александр Субботин*

Редактор
Александра Сабитова

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про
13,7 кегль

Сдано в печать 05.08.2024
Объем 9 печ. листов
Тираж 3000 экз.
Заказ №

Бумага матовая мелованная
Омела 105 г/м²

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в типографии ООО «ЛД-ПРИНТ»,
196643, Россия, г. Санкт-Петербург, п. Сапёрный,
ш. Петрозаводское, д. 61, строение 6,
тел. (812) 462-83-83, e-mail: office@ldprint.ru.